

Последняя звезда

Автор:

Рик Янси

Последняя звезда

Рик Янси

Пятая волна #3

Они наверху. Они внизу. Они везде и нигде. Им хочется завоевать Землю. Им хочется, чтобы Земля осталась у нас. Иные пришли, чтобы уничтожить человечество. Иные пришли, чтобы его спасти.

Но под этими загадками лежит простая правда: Кэсси – жертва предательства. Как и ее товарищи: Рингер, Зомби, Наггетс. Как и семь с половиной миллиардов жителей планеты.

Сначала людей предали иные. Потом люди предали сами себя.

Последняя битва за жизнь состоится не на суше и не на море, не в горах и не на равнине, не в джунглях и не в пустыне. Она закончится там, где началась – в отправной точке. И передний край этой битвы – сердце человека.

Рик Янси

Последняя звезда

Посвящается Сэнди.

Мир кончается. И начинается снова

Verzweifle keiner je, dem in der tr?bsten Nacht

Der Hoffnung letzte Sterne schwinden.

Не стоит отчаиваться, даже если в самую темную ночь

Погаснет последняя звезда надежды.

Кристоф Мартин Виланд

Rick Yancey

THE LAST STAR

Copyright © 2016 by Rick Yancey

All rights reserved

© И. Русакова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА

Девочка, которая умела летать

Много лет назад, когда отцу девочки было всего десять, он поехал на большом желтом автобусе в планетарий.

Там над его головой вспыхнули и засверкали миллионы огней. Он с открытым ртом смотрел вверх и крепко сжимал пальчиками края деревянной скамьи. Белые огоньки кружили по потолку. Они были яркие, как в тот день, когда Земля еще была черным щербатым камнем, заурядной планетой, которая летит по орбите вокруг заурядной звезды на краю заурядной галактики бесконечной вселенной.

Большой Ковш. Орион. Большая Медведица. Монотонный голос астронома. Детские головы запрокинуты, рты открыты, глаза не мигают. Мальчик чувствует себя неопишимо маленьким под необъятным искусственным небом.

Этот день он никогда не забудет.

Пройдут годы, его дочурка, пухлая кроха, побежит к нему на еще нетвердых ножках. Крепкие ручки вскинуты, глаза светятся от радости и предвкушения. Она кричит: «Папа, папа!» Тянется к нему, тянется к небу широко расставленными пальчиками.

И она без страха взлетит в пустоту, потому что он не просто ее отец, он ее ПАПА. Он обязательно ее поймает, он не даст ей упасть.

Малышка кричит: «Летать, папа, летать!»

И она летит в огромное бескрайнее небо. Девочка готова обнять бесконечность, ее голова откинута назад, она стремится туда, где встречаются восторг и страх. В ее криках – чистая радость от ощущения невесомости и свободы. Папа с ней, она в безопасности, она жива.

Кассиопея.

После того дня в планетарии, когда до ее рождения оставалось еще пятнадцать лет, он точно знал, какое имя даст своей дочери.

Я посижу с тобой

- Сие есть тело мое.

В самой нижней из пещер священник воздевает последнюю облатку – его запас исчерпан – к потолку пещеры, которая напоминает ему открытую пасть ревущего дракона. Лампа подсвечивает похожие на зубы наросты, они переливаются красным и желтым светом.

Он своими руками свершает ужасную Божественную жертву.

- Примите и вкусите от Него все...

Затем – чаша с последними каплями вина.

- Примите и пейте из нее все...

Полночь в конце ноября. Небольшая группа уцелевших сможет продержаться в пещерах до весны. Они не замерзнут, и у них хватит припасов, чтобы не умереть от голода. Уже несколько месяцев никто не умирал от чумы. Похоже, худшее позади. Здесь они в безопасности. В полной безопасности.

- С верой в Твою любовь и милость ем тело Твое и пью Твою кровь...

Шепот священника эхом разлетается глубоко под землей. Слова карабкаются вверх по скользким стенам, перекатываются по узким переходам к верхним пещерам – туда, где лежат, погрузившись в беспокойный сон, его собратья-беженцы.

- Да не принесет мне это осуждение, но дарует здоровье души и тела.

Больше нет ни хлеба, ни вина. Это его последнее причастие.

- Тело Христово да сохранит меня для жизни вечной.

Заплесневевший кусочек хлеба размякает на языке.

– Кровь Христова да сохранит меня для жизни вечной.

Капли скисшего вина обжигают горло.

Господь у него во рту. Господь в его пустом желудке.

Священник плачет.

Он наливает в потир немного воды. Его рука дрожит. Он пьет смешанную с водой драгоценную кровь, а затем вытирает потир пурификатором.

Кончено. Вечная жертва принесена. Он промокает щеки той же салфеткой, какой обтирал потир. Слезы человека и кровь Господа неразделимы. Ничего нового – так было всегда.

Священник вытирает дискос, затем кладет пурификатор в потир и отставляет его в сторону. Стягивает с шеи зеленый орарь, аккуратно его складывает и целует. Ему нравится быть священником. Нравятся все моменты служения. А Евхаристия нравится больше всего.

Мокрый от пота и слез воротничок свободно болтается на шее. Когда началась эпидемия чумы, он покинул свой приход и отправился на север к пещерам Эрбаны, и за тот переход в сто миль потерял пятнадцать фунтов веса. В пути он обрел много последователей, больше полусотни, хотя к тому времени, когда они добрались до безопасного места, тридцать два из пятидесяти умерли. Они отходили в мир иной, а он совершал над ними обряды. Католические, протестантские, иудейские. Не важно какие.

«По благостному милосердию своему да поможет тебе Господь...»

Потом чертил большим пальцем крест на лбу умирающего и говорил: «Избавив тебя от грехов, да спасет тебя...»

Кровь, сочившаяся из глаз умирающих, смешивалась с елеем, который он втирал им в веки. Дым волнами застилал открытые поля, забирался в лес, накрывал дороги подобно тому, как лед холодной зимой накрывает реки. Пожары в Колумбусе. Пожары в Спрингфилде и Дейтоне. В Хубер-Хейтсе, Лондоне и Файерберне. Во Франклине, Мидлтауне и Ксении. Вечерами свет от тысяч пожарищ окрашивал дым тускло-оранжевым цветом, и казалось, что небо зависло в дюйме над их головами. Священник шел по дымящейся земле. Одну руку он протягивал вперед, второй закрывал нос и рот лоскутом ткани, а по лицу текли слезы от едкого дыма. Запекшаяся кровь под сломанными ногтями, кровь в морщинках на ладонях и в подошвах ботинок.

«Осталось немного, – подбадривал священник своих спутников. – Только не останавливайтесь».

В дороге кто-то дал ему прозвище Моисей, ведь он вел их из дыма и огня в землю обетованную.

«Пещеры Огайо! Самое интересное место в штате».

Естественно, там были люди, и эти люди приветствовали их. Священник знал, что так будет. Пещеры не горят, пещерам погода не страшна. И самое главное – в пещерах легко держать оборону. Со дня Прибытия пещеры занимали третье место по востребованности после военных баз и правительственных зданий.

Там все припасено: вода и консервы, бинты и лекарства, одеяла и прочее. И оружие – винтовки, пистолеты, обрезы и ножей хоть завались. Для больных отвели карантинный центр в сувенирном магазине на поверхности. Они лежали на расставленных между стендами койках, и священник ежедневно их навещал. Он разговаривал с ними, молился вместе с ними, исповедовал, беседовал, шептал им на ухо то, что они хотели услышать.

«Per sacrosancta humanae reparationis mysteria... Священна тайна человеческого искупления...»

Прежде чем кончится мор, умрут сотни. К югу от центра приема беженцев вырыли яму для сжигания трупов. Десять футов в ширину и тридцать футов в глубину. Огонь тлел и днем и ночью, а запах горящего человеческого мяса стал привычным, его почти не замечали.

Сейчас ноябрь. Священник в самой нижней пещере встает с колен. Он невысок, но все равно пригибается, чтобы не задеть головой потолок или каменный зуб в пасти дракона.

«Месса окончена, идите с миром».

Потир и пурификатор, дискос и орарь он оставляет в пещере. Теперь все это – реликвии, артефакты исчезающей со скоростью света эпохи.

«Мы начинали как пещерные люди, – думает священник, восходя на поверхность, – в пещерах мы и закончим».

Даже самое долгое путешествие – это круг. История всегда будет возвращаться к своему началу.

Как сказано в молитвеннике: «Помни, прах ты и в прах обратишься».

Священник поднимается из пещер, как дайвер – к сверкающему над водой куполу неба.

Узкие извивающиеся переходы, стены в каплях влаги, пол гладкий, как дорожки в боулинге. Всего несколько месяцев назад здесь проводили экскурсии. Школьники цепочкой шли от пещеры к пещере, вели пальцами по влажным стенам, высматривали монстров в темных расщелинах. Они оставались детьми и продолжали верить в чудовищ.

Священник поднимается, словно Левиафан из черных, лишенных света глубин.

Путь на поверхность проходит мимо «Дивана пещерного человека» и «Хрустального короля» к «Большому залу» – главной жилой зоне выживших и наконец приводит к «Дворцу богов». Это любимое место священника. Кристаллические образования блестят, как замороженные осколки лунного света, а потолок напоминает набегающие на берег волны. Ближе к поверхности воздух уже не такой влажный, как на глубине, здесь чувствуется запах дыма от пожарниц, которые продолжают бушевать в оставленном беженцами мире.

«Господи, благослови этот пепел, которым будем посыпать наши головы, сознавая, что мы есть прах».

В голове священника мелькают отрывки молитв. Строки из гимнов. Литании, благословления и слова отпущения грехов.

«Господь дарует тебе прощение и мир. А я отпускаю тебе грехи...»

И еще из Библии: «До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня».

Фимиам дымит в курильнице. Витражи расщепляют блеклый весенний свет. Скамьи по воскресеньям скрипят, как корпус древнего корабля далеко в море. Величавая поступь времени. Календарь, которому с самого детства была подчинена его жизнь: Рождественский пост, Рождество, Великий пост, Пасха. Священник понимает, что любил не то. Его завораживали ритуалы, традиции, помпезность и роскошь, то, в чем несведущие винят Церковь. Он любил форму, не содержание. Хлеб, а не тело.

Но эта слабость не делала его плохим священником. Тихий и смиренный, он всегда был верен своему призванию. Ему нравилось помогать людям. Недели, проведенные в пещерах, были самыми плодотворными в его жизни. Страдание возвращает Господа в его земной дом – в те самые полные ужаса, смятения и боли ясли, где он родился.

«Посмотри на обратную сторону страдания, – думает про себя священник, – и увидишь лицо Господа».

Наверху, прямо у входа во «Дворец богов», сидит часовой. Это довольно крупный мужчина в надвинутой на лоб бейсболке и потертой кожаной куртке. Холодный северный ветер, предвестник зимы, разогнал облака. Силуэт часового четко вырисовывается на фоне усыпанного яркими звездами черного неба. Часовой держит в руке бинокль, винтовка лежит у него на коленях.

Он кивает священнику и спрашивает:

– Где твоё пальто, святой отец? Ночь сегодня холодная.

Священник грустно улыбается:

- Так вышло, что я отдал его Агате.

Мужчина что-то понимающе бурчит себе под нос. В их группе именно Агата вечно на что-то жаловалась. То она замерзла, то проголодалась, то еще что-нибудь.

Часовой подносит бинокль к глазам и смотрит вверх.

- Не видел, прилетали еще? - спрашивает его священник.

За неделю до этого они засекли первый объект. Серебристо-серый, похожий на сигару, он на несколько минут завис над пещерами, а потом без единого звука взмыл в ярко-синее небо и превратился в едва заметный штрих. Два дня спустя появился еще один - хотя, возможно, это был тот же, первый. Он бесшумно проплыл у них над головами и скрылся за горизонтом. Вопросов о происхождении этих странных штуковин ни у кого не возникало. Все обитатели пещер знали, что эти корабли внеземного происхождения. Но никто не ведал, зачем они прибыли, и это пугало больше всего.

Часовой опускает бинокль и трет глаза.

- Что случилось, святой отец? Не спится?

- Так я вообще мало сплю в последнее время, - говорит священник. Ему не хочется, чтобы часовой подумал, будто он жалуется, и он добавляет: - Дел невпроворот.

- Атеистов в окопах не бывает.

Клише повисает в воздухе, как запах чего-то прогорклого и неудобоваримого.

- И в пещерах, - подхватывает священник.

С того момента, как они познакомились, он пытался узнать этого человека получше, но все тщетно. Мужчина не подпускал к себе. Лишившись надежды, он

наглухо заперся от окружающих на засовы гнева и горя. Им и так удалось прожить дольше отпущенного. От такого не спрячешься и не убежишь. Для кого-то смерть – повивальная бабка веры. Для кого-то – ее палач.

Мужчина достает из нагрудного кармана упаковку жевательной резинки, аккуратно разворачивает один пластик и отправляет в рот. Перед тем как положить упаковку обратно в карман, он пересчитывает оставшиеся пластики. Со священником он не делится.

– Последняя осталась, – объясняет часовой и слегка подвигается на холодном камне.

– Понимаю, – говорит священник.

– Неужели? – Часовой размеренно жует. – Действительно понимаешь?

Сухой хлеб и скисшее вино. Он еще ощущает во рту их вкус. Хлеб следовало преломить, а вином поделиться. Он не должен был служить мессу один.

– Я верю, что понимаю, – отвечает невысокий священник.

– А я – нет, – медленно и взвешенно произносит мужчина. – Я ни хрена ни во что не верю.

Священник заливается краской. Его тихий смущенный смех звучит, как шлепки босых детских ножек по ступенькам длинной лестницы. Он нервно поправляет воротничок.

– Когда пропало электричество, я верил, что оно снова появится, – продолжает мужчина с винтовкой. – Все верили. Электричество пропало – электричество появится. Это ведь и есть вера, да? – Он жует резинку то левыми зубами, то правыми, перекачивает язык вперед-назад языком зеленый комочек. – Потом с побережья просочились новости о том, что больше нет никакого побережья. Теперь у нас Рино на берегу океана. Подумаешь. Делов-то? Землетрясения и раньше случались. И цунами. Кому нужен Нью-Йорк? Что такого особенного в Калифорнии? Мы справимся. Все придет в норму. Мы же всегда справляемся. Я в это верил.

Часовой кивает и смотрит в ночное небо на холодные яркие звезды. Взгляд направлен вверх, а голос понижается.

– Потом люди заболели. Антибиотики. Карантины. Дезинфекторы. Мы ходили в масках, мыли руки, пока кожа не начала слезать. И большинство все равно умерло.

Мужчина с винтовкой смотрит на звезды, будто ждет, что они оторвутся от черного неба и посыплются на землю. А почему бы и нет?

– Мои соседи. Друзья. Жена с детьми. Я знал, что все умереть не могут. Как могут умереть все? Кто-то заболевает, но не большинство же? И многие вылечиваются, верно? Вот это и есть вера.

Мужчина достает из ботинка охотничий нож и начинает вычищать из-под ногтей грязь.

– Вот во что мы верили. Ты растешь. Учишься в школе. Находишь работу. Заводишь семью. – Покончив с ногтями на одной руке (на каждый ноготь по одному пункту веры), часовой приступает к ногтям на другой. – Твои дети подрастают. Учатся в школе. Находят работу. Заводят семью. – Ноготь, ноготь. Ноготь, ноготь, ноготь. Мужчина рукой, в которой держит нож, сдвигает бейсболку на затылок. – Я никогда не был верующим в твоём понимании. Двадцать лет не был в церкви. Но я знаю, что такое вера, святой отец. Я знаю, как это – верить во что-то. Света нет, свет включили. Воды нахлынули, воды схлынули. Люди болеют, люди выздоравливают. Жизнь идет своим чередом. В этом и есть истинная вера. Я прав? Выбросить бессмысленный треп про рай и ад, грех и спасение, а это останется. В это верят даже самые отъявленные атеисты, которые плюют на вашу церковь. Верят в то, что жизнь будет продолжаться.

– Да, – соглашается священник, – жизнь будет продолжаться.

Часовой недобро улыбается и тычет ножом в грудь священника.

– Ты не услышал ни слова из того, что я сказал, – рычит он. – Вот поэтому я на дух не переношу вашу братию. Палите свои свечи, бормочите на латыни заклинания, молитесь Богу. А Он не слушает. Ему плевать. Он просто псих или садист. Или и то и другое. Мир в огне, а вы молитесь мудаку, который либо

устроил пожар, либо позволил ему случиться.

Маленький священник поднимает руки, те самые, которыми освящал хлеб и вино. Он как бы показывает часовому, что руки у него пустые и он никому не желает зла.

– Я не претендую на то, что знаю мысли Господа, – говорит священник и медленно опускает руки. Не отрывая взгляда от ножа, он цитирует из Книги Иова: – «Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал».

Мужчина долго и пристально смотрит на священника. Повисает неловкая пауза, а он все молчит и жует свою уже безвкусную жвачку.

– Скажу тебе честно, святой отец, – спокойно говорит часовой, – я бы с удовольствием убил тебя прямо сейчас.

Священник кивает:

– Боюсь, это может случиться. Когда правда выйдет наружу.

Он вынимает нож из дрожащей руки часового и дотрагивается до его плеча. Того передергивает, но он не отодвигается.

– Какая еще правда? – шепчет он.

– Такая, – отвечает маленький священник и вонзает нож ему в грудь.

Лезвие очень острое, оно легко протыкает рубашку, проскальзывает между ребрами и на три дюйма входит в сердце.

Священник прижимает мужчину к груди и целует в макушку.

«Дарует тебе Господь прощение и мир».

Секунда – и все кончено. У часового отвисает челюсть. Резинка выпадает изо рта. Священник подхватывает комочек и забрасывает подальше от входа в пещеру. Потом он опускает труп на холодные камни и встает. Окровавленный нож поблескивает в руке.

«Кровь Нового и Вечного завета...»

Священник разглядывает лицо мертвеца. Его обуревают ярость и захлестывает омерзение. Лицо похоже на гнусный шарж. Теперь можно не скрывать отвращения.

По давно проторенной тропинке маленький священник возвращается в «Большой зал», в главную пещеру, где, ворочаясь с боку на бок и вздрагивая, спят остальные. Все, но не Агата. Агата сидит, прислонившись спиной к стене пещеры. Маленькая женщина буквально утопает в пальто на меховой подкладке, в том самом, которое ей отдал священник. Грязные черные с проседью кудряшки торчат во все стороны, словно их взбили в центрифуге. Черная сажа въелась в морщины, зубные протезы давно потеряны, глаза спрятались под вялыми складками век.

«Это человечество, – думает священник. – Это его лицо».

– Святой отец, это вы? – Голос Агаты едва слышен; он тих, как мышинный писк, и пронзительно высок, как крысиный визг.

«А это – голос людского племени».

– Да, Агата, это я.

В пещере темно. Женщина вглядывается в человеческую маску, которую он носил с младенчества.

– Я не могу заснуть, святой отец. Вы посидите со мной немного?

– Да, Агата, я с тобой посижу.

Тела своих жертв он выносит из пещеры по две штуки зараз. Берет каждое под мышку, тащит наружу и без лишних церемоний бросает в яму, а потом идет за следующей парой. После Агаты он убил всех остальных. Никто не проснулся. Священник действовал тихо и быстро, но при этом спокойно и уверенно. Тишину нарушал только шорох ткани в тот момент, когда лезвие ножа входило в сердце. Так одно за другим умолкли сорок шесть сердец. Теперь билось лишь его собственное.

На рассвете начинается снегопад.

С минуту он стоит у входа в пещеру и смотрит в пустое серое небо. Снежинки падают на его бледные щеки. Это его последняя зима за очень долгое время. В равноденствие сюда приземлится капсула и вернет его на корабль-носитель, а уж там он будет ждать, пока специально обученные люди очистят Землю от человеческой заразы. С борта корабля, из безмятежной пустоты, он будет наблюдать за тем, как бомбы уничтожают все города до единого и стирают с лица Земли следы человеческой цивилизации. Конец света, о котором люди бредили с тех пор, как начали себя осознавать, наконец наступит. Только произойдет он не по воле какого-то там разгневанного Бога, а совсем наоборот, все будет сделано безучастно и хладнокровно. Именно так, как маленький священник вонзал нож в сердца своих жертв.

Снег тает на его лице. До конца зимы остается четыре месяца. Сто двадцать дней до начала бомбардировки. А потом бросят в бой Пятую волну – людей-пешек, которых выучили уничтожать себе подобных.

Он у цели. Скоро все будет кончено.

Маленький священник спускается во «Дворец богов» и разговляется.

Бритва рядом со мной прошептал:

- Беги.

Его пушка громыхнула у моего уха. Его целью была кроха, которая есть сумма всех вещей. А его пуля – мечом, который разрубил сковывающую нас с нею цепь.

Чашка.

Умирая, Бритва посмотрел на меня нежными печальными глазами и прошептал:

- Ты свободна. Беги.

И я побежала.

4

Я вылетела в окно сторожевой вышки, и земля понеслась мне навстречу.

Приземлившись на бетон, я не сломаю ни одной кости и даже не почувствую боли. Меня усовершенствовал враг, мой организм способен выдержать падение с гораздо большей высоты. Последнее было с пяти тысяч футов, так что нынешнее – плевое дело.

Я приземляюсь, делаю кувырок, встаю на ноги и срываюсь с места. Огибаю вышку, бегу по взлетной полосе к бетонному барьеру и ограждению с колючей проволокой поверху. Ветер свистит в ушах. Я быстрее любого животного на Земле. Гепард в сравнении со мной – черепаха.

Расставленные по периметру часовые наверняка видят меня. И человек на вышке тоже. Но я не слышу выстрелов. Никто не отдал приказ убить меня. Я пуль мчусь в конец взлетной полосы.

«Им тебя не поймать. Как им поймать тебя в принципе?»

Имплантированный в мой мозг процессор все просчитал еще до того, как я приземлилась на бетон. Он уже отправил необходимую информацию тысячам микроскопических дронов, которые отвечают за мою мышечную систему, и мне не надо думать ни о скорости, ни о хронометраже, ни о точке атаки. Хаб все делает за меня.

Конец взлетно-посадочной полосы. Я прыгаю. Пятки пружинят от бетонного барьера и отправляют меня к забору. Колючая проволока готова впитаться мне в лицо. Между спиралью колючей проволоки и верхом забора всего два дюйма, но мои пальцы точно попадают в эту щель. Я отталкиваюсь и, выгнув спину, перелетаю через забор ногами вперед.

Приземлившись, я тут же набираю полную скорость и меньше чем за четыре секунды преодолеваю сто ярдов от забора до леса. Никто не стреляет мне вслед. Ни один вертолет не поднимается в воздух. Лес смыкается за мной, как занавес в театре. Земля скользкая и неровная, но я не спотыкаюсь и не поскользываюсь, я бегу дальше, не сбавляя скорость. Впереди – быстрая черная река. Я пересекаю ее, почти не касаясь ногами воды.

На другом берегу – тундра. В северном направлении до самого горизонта – нетронутая открытая местность. Бескрайняя пустошь, где я смогу затеряться, и никто не найдет.

Я свободна.

Часами бегу без передышки. Меня поддерживает двенадцатая система. Она укрепляет мои суставы и кости, накачивает мышцы, дает мне энергию, повышает выносливость, притупляет боль. Все, что мне надо сделать, – это сдаться. Все, что я должна сделать, – довериться. И тогда я выдержу.

VQP[1 - Vincit qui partitur (лат.) – терпенье все преодолевает.]. Эти три буквы Бритва вырезал у себя на руке при свете костра из сотни человеческих тел. VQP. Победит тот, кто вытерпит.

«Иные вещи, – сказал он мне в ночь перед смертью, – вплоть до мельчайших, ценнее суммы всех вещей».

Бритва понимал, что я никогда не сбегу, если Чашка останется страдать. Мне следовало понять, что он решил спасти меня, предав. Ведь именно так он с самого начала и поступал. Он убил Чашку, чтобы я жила дальше.

Вокруг, куда ни посмотри, – ни деревца, ни кустика. Солнце по безоблачному небу спускается к горизонту. Глаза слезятся от ветра, слезы замерзают на щеках. Двенадцатая система способна защитить от физической боли, но боль, которая разрушает душу, ей не побороть.

Спустя часы я все еще бегу. Небо становится тусклым, темнеет, появляются первые звезды. Над горизонтом завис корабль-носитель; он смотрит на землю, как зеленый, лишенный век глаз. От него не убежать и не спрятаться. Недостигаемый и неприступный. Пройдет уйма времени после того, как последний человек превратится в горсть праха, а корабль-носитель будет там, в небе, – неумолимый, несокрушимый и непостижимый. Господь свергнут с престола.

Я не останавливаюсь. Равнина девственно чиста – ни одного человеческого следа. Мир таков, каким был до того, как взаимное доверие и сотрудничество людей спустили с поводка прогресс. Он вернулся в первозданное состояние. Рай был потерян и вновь воцарился.

Вспоминается печальная и горькая улыбка Воша.

«Спаситель. Значит, вот кто я такой?»

Бег в никуда ниоткуда. По идеально белой равнине под необъятным и равнодушным небом. Теперь я понимаю. Мне кажется, что понимаю.

Уменьшить популяцию людей до устойчивого числа, а потом выбить из них человечность. Раз уж доверие и сотрудничество представляют реальную угрозу для хрупкого равновесия в природе; раз уж это грехи, которые толкают мир на край пропасти. Иные решили, что единственный способ спасти этот мир – уничтожить цивилизацию. Но уничтожить ее изнутри. А единственный способ уничтожить цивилизацию изнутри – изменить человеческую природу.

Я все бежала и бежала по дикой равнине. День за днем. Погони так и не было. Со временем я перестала волноваться по поводу вертолетов и высадки ударных команд. Как не замерзнуть, найти свежую воду и белок для поддержания двенадцатой системы – вот что теперь меня беспокоило. Я рыла норы и сооружала навесы для ночевки. Заточила три ветки и с помощью этих копий убила кролика и лося и ела их сырое мясо. Огонь разводить было слишком рискованно, хотя это не было проблемой – в лагере «Приют» враг научил меня этому делу. Враг научил меня выживать в дикой местности, а потом снабдил внеземной технологией, которая помогала мне адаптироваться. Он научил меня убивать и не давать убить себя. Научил тому, что люди забыли после десяти веков доверия и сотрудничества. Он научил меня страху.

Жизнь – это круг, скованный страхом. Страхом хищника. Страхом жертвы. Без страха не было бы жизни. Однажды я пыталась объяснить это Зомби, но вряд ли он понял.

Я провела в дикой местности сорок дней. И да, я не забыла, что символизирует эта цифра.

Сорок дней – ерунда. Благодаря двенадцатой системе я бы больше ста лет продержалась. Царица Марика, одинокая древняя охотница, бездушная оболочка, обгладывающая высохшие кости мертвых животных. Полновластная повелительница диких земель так и жила бы до полного отказа системы. Потом ее тело рассыпалось бы в прах или его склевали бы падальщики, а кости разбросали по безлюдной пустоши как непрочитанные руны.

Я пошла обратно. К этому моменту я поняла, почему меня не преследуют.

Вош опережал меня на два шага. Впрочем, как всегда. Теперь Чашка умерла, но меня все еще связывало невысказанное обещание человеку, который, вполне вероятно, тоже был мертв. Но вероятность чего бы то ни было лишилась смысла.

Вош знал, что я не брошу Зомби, пока есть хоть один шанс на его спасение.

Существовал только один способ спасти Зомби. И об этом Вош тоже знал.

Я должна была убить Эвана Уокера.

I

День первый

6

КЭсси

Я убью Эвана Уокера.

Этого задумчивого, загадочного, эгоцентричного, скрытного гада. Я избавлю от страданий измученную душу этого получеловека-полупришельца.

«Ты моя мушка-однодневка. Я готов умереть ради тебя. Я проснулся, когда увидел себя в тебе».

Меня сейчас вырвет.

Вчера вечером я купала Сэма. Первый раз за три недели. И, черт возьми, он чуть не сломал мне нос. Вернее будет сказать – чуть не сломал по второму разу. Дело в том, что первой это сделала бывшая девушка Эвана (или «продвинутая» подруга, все равно, как ее называть). Она впечатала меня лицом в дверь, а за той находился мой младший брат, этот маленький засранец, которого я пыталась спасти, тот самый, который чуть не сломал мне нос во второй раз. Улавливаете иронию? Тут и символику можно усмотреть, но уже поздно, а я не спала уже, наверное, три дня, так что не будем об этом.

Вернемся к Эвану и причине, по которой я собираюсь его убить.

В итоге все сводится к алфавиту.

После того как Сэм ударил меня по носу, я, мокрая насквозь, выскочила из ванной и врезалась прямо в грудь Бена Пэриша. Бен болтался в коридоре, словно решил, что отвечает буквально за все, что происходит с Сэмом. А вышеупомянутый маленький засранец орал мне в спину непристойности, а спина осталась единственным сухим местом после попытки намылить его спину. А Бен Пэриш (живое воплощение любимого высказывания моего отца, что лучше быть везунчиком, чем умником) посмотрел на меня так удивленно: мол, что такое? И выглядел таким до тупости лапочкой, что мне захотелось сломать ему нос и лишить его наконец этого фирменного обаяния от Пэриша.

- Ты должен быть мертв, - сказала я ему.

Знаю, я только что написала, что собиралась убить Эвана, но вы должны понять... О, пошло все к черту. Это все равно никто никогда не прочтет. К тому времени, когда я умру, не останется никого, кто умеет читать. Так что я пишу не для тебя, будущий читатель, которого не окажется, а для себя.

- Вероятно, - ответил Бен.

- Какова вероятность того, что тот, кого я знала раньше, все еще будет здесь сейчас?

Бен немного подумал. Или притворился, будто думает. Он же парень.

- Примерно семь миллиардов к одному?

- Я думаю, семь миллиардов к двум, Бен. Или три с половиной миллиарда к одному.

- Ого. Так много? - якобы удивился Бен и кивнул в сторону ванной: - Что там с Наггетсом?

- Сэм. Его зовут Сэм. Еще раз назовешь его Наггетсом, и я врежу коленом по твоим наггетсам.

Бен улыбнулся. А потом он либо притворился, что до него не сразу дошло, либо все понял сразу; в общем, улыбка увяла. Он поджал губы, как будто я задела его самолюбие.

– Они чуточку больше, чем наггетсы. Но ненамного. – А потом, как по щелчку, раз – и снова улыбка. – Хочешь, я с ним поговорю?

Я сказала, что мне плевать, чем он займется. У меня были дела поважнее. Например – убить Эвана Уокера.

И дернула из коридора в гостиную, но и там было хорошо слышно, как Сэм вопит:

– Мне плевать, Зомби! Мне наплевать! Я ее ненавижу!

Дамбо и Меган сидели на диване и складывали пазл, который мы нашли в детской. Какую-то картинку из диснеевского мультика. Я промчалась мимо, а они отвели глаза, словно говоря: «Не обращай на нас внимания, беги куда хочешь, ты хорошая, мы ничего не видели».

На террасе было чертовски холодно. Весна застряла где-то в пути или вообще не собиралась приходить. Наверное, ее отпугивал процесс вымирания. Или иные устроили очередной Ледниковый период. Просто потому, что они могут это устроить. Зачем им обреченные люди, если можно иметь замерзающих, голодных и жалких обреченных людей? Так ведь намного приятнее.

Эван стоял, опершись о перила, чтобы перенести вес с поврежденной лодыжки. В своей «униформе» – узкие джинсы и мятая клетчатая рубашка. Винтовку пристроил на сгибе руки. Я толкнула дверь-сетку, он увидел меня, и лицо его сразу озарилось. И этот его взгляд. Он всегда буквально упивался моим присутствием, будто я оазис в пустыне, а он – измученный жаждой путник.

Я отвесила ему оплеуху.

– За что ты меня ударила? – спросил он, так как накопленная за десять тысяч лет инопланетная мудрость не подсказала ответ.

- Ты знаешь, почему я мокрая?

Эван покачал головой.

- Почему?

- Я купала моего малыша. Почему я его купала?

- Потому что он был грязный?

- По той же причине, по которой я целую неделю разгребала эту помойку, как только мы вселились.

Грейс, может, и была супермощным, усовершенствованным гибридом пришельца и человека, и выглядела она, как норвежская ледяная принцесса с соответствующим сердцем, но хозяйка она была никакая. По углам заносы пыли, все поросло плесенью, а в кухне смутился бы последний скопидом.

- Потому что у нас так принято, Эван. Мы не живем в грязи. Мы принимаем ванну, моем голову, чистим зубы и сбиваем нежелательные волосы...

- Сэму надо побриться?

Попытка пошутить. Дурацкая идея.

- Заткнись! Сейчас я говорю. Когда я говорю, ты молчишь. Когда ты говоришь, молчу я. У людей так принято. Они выказывают друг другу уважение. Уважение, Эван.

Он кивнул и эхом откликнулся:

- Уважение.

Но я от этого еще больше разозлилась. Он мною манипулировал.

– Все дело в уважении. Соблюдать гигиену и не вонять, как свиньи, – это вопрос уважения.

– Свиньи не воняют.

– Заткнись.

– Просто я вырос на ферме, вот и все.

Я помотала головой:

– О нет, это не все. И даже не половина. Та часть тебя, которой я врезала, не росла ни на какой чертовой ферме.

Эван оставил винтовку у перил и захромал к качелям. Сел. Уставился куда-то вдаль.

– Я не виноват, что Сэму надо помыться.

– Конечно виноват. Во всем этом есть твоя вина.

Эван посмотрел на меня и очень ровным голосом сказал:

– Кэсси, я думаю, тебе лучше вернуться в дом.

– Пока ты не вышел из себя? О, пожалуйста, психани хоть раз. Я очень хочу на это посмотреть.

– Ты замерзла.

– Нет, не замерзла.

И в ту же секунду я осознала, что стою перед Эваном мокрая и вся трясусь от холода. Ледяная вода текла по шее и дальше по позвоночнику. Я скрестила руки на груди, приказала зубам (только что почищенным) не клацать и сообщила:

– Сэм забыл алфавит.

Эван смотрел на меня долгие четыре секунды.

– Извини, что?

– Буквы. Это называется ал-фа-вит, ты, недоделанный межгалактический свинопас.

– Понятно.

Эван перевел взгляд на пустынную дорогу за пустынным двором. Дорога уходила к пустынному горизонту, за которым лежали другие пустынные дороги, леса, поля, поселки, города. Мир – выдолбленная тыква, помойное ведро пустоты. Этот мир опустошили существа, подобные Эвану, каким бы он там ни был до того, как влез в человеческое тело, как рука в задницу марионетки.

Эван подался вперед, скинул с плеч куртку и протянул ее мне. Ту самую идиотскую куртку для боулинга с логотипом «Урбана пинхедс», в которой он появился в старом отеле.

– Надень, пожалуйста.

Мне, наверное, не следовало брать у него куртку. То есть я хочу сказать – все шло по отработанной схеме. Я замерзаю – Эван меня согревает. Мне больно – он меня лечит. Я проголодалась – он меня кормит. Я падаю – он меня поддерживает. Я как ямка в песке на берегу, которая постоянно заполняется водой.

Я не крупна габаритами и буквально утонула в куртке Эвана. Меня окружило тепло, и я немного успокоилась. Не потому, что это было тепло от его тела, а потому, что это было просто тепло.

– Еще одно дело, которым занимаются люди, – запоминание алфавита, – продолжила я. – Чтобы читать. Так они учатся. Запоминают буквы, а потом с помощью букв постигают разные науки. Историю, математику – все, что ни назови, включая такие важные предметы, как искусство, культура, религия. Так

они узнают, почему одни события случаются, а другие – нет и почему мы вообще живем на свете.

И тут у меня сорвался голос. Перед глазами снова возникла картинка, которую я с удовольствием стерла бы из памяти. Это уже после Третьей волны. Папа катит по улице нагруженную книжками красную тележку. И эти его рассказы о том, что надо сохранить знания, чтобы потом, когда будет решена эта досадная проблема с инопланетянами, возродить нашу цивилизацию. Господи, до чего же печальная картина, какое жалкое зрелище: лысеющий, сутулый дядька катит по улице тележку книг, которые набрал в никому не нужной, давно заброшенной библиотеке. Пока «вменяемые люди» выгребали из магазинов консервы, оружие и всякое «железо», с помощью которого можно защитить дом от мародеров, мой папа решил, что самое главное и мудрое решение – спасти книги.

– Он еще может его выучить, – оптимистично заявил Эван. – Ты его научишь.

Одному богу известно, чего мне стоило не дать ему по роже еще раз. Было время, когда мне казалось, что на Земле не осталось никого, кроме меня, и я, таким образом, и есть человечество. Эван не единственный в неоплатном долгу перед людьми. Он – это они. И после всего, что они сделали с нами, человечество не просто вправе, оно обязано переломать им все кости.

– Не в этом дело, – сказала я. – Оно в том, что я не могу понять, почему вы все сделали именно так. Вы же могли перебить нас без этой извращенной жестокости. Знаешь, что я обнаружила сегодня вечером? Кроме того, что мой младший брат ненавидит меня, как последнюю тварь? Алфавит забыл. Это да. Но не только. Он забыл нашу маму. Он не помнит лица родной матери!

И я сорвалась. Я обхватила себя руками и разревелась. В этой дурацкой куртке с логотипом «Пинхед». И мне было плевать, что Эван видит, как я реву, потому что если кто-то и должен был это увидеть, так это он. Снайпер, убивающий с больших расстояний; тот самый, который жил себе на ферме припеваючи, пока с корабля-носителя в двух сотнях миль над его головой на Землю одну за другой слали разрушительные волны. Первая атака – пять тысяч, вторая – миллионы, третья – миллиарды. И пока мир полыхал огнем, Эван Уокер коптил оленину, прогуливался по лесу, отдыхал у костра и ухаживал за своими идеальными ногтями.

Он должен был увидеть вблизи лицо страдающего человека. Слишком долго парил он над ужасом, отстраненный и недосыгаемый, как их корабль-носитель. Он должен был это увидеть, потрогать, почуять своим красивым, ни разу не сломанным носом. Должен был испытать на своей шкуре, как испытал Сэм. Мне даже захотелось вбежать в дом, выдернуть Сэма из ванной и вытащить его голого на террасу. Пусть бы Эван Уокер пересчитал его обтянутые кожей ребра, оценил крохотные запястья, потрогал впалые виски, пощупал шрамы и язвы на теле ребенка, которого он лишил воспоминаний и надежд, но чье сердце наполнил бессмысленной злобой и ненавистью.

Эван начал вставать – наверняка чтобы прижать меня к себе, погладить по голове, осушить мои слезы и пообещать, что все будет хорошо, потому что это его «МО»[2 - Модус операнди – способ совершения преступления.], – но быстро передумал и снова сел.

– Кэсси, я уже говорил, что не хотел, чтобы все произошло именно так. Я выступал против этого.

– Пока не дошло до дела. – Я старалась держать себя в руках, но все равно запинаясь на каждом слове. – И как понимать это твое – «именно так»?

Эван снова привстал и сел. Скрипнули качели. Он снова уставился на пустую дорогу.

– Мы могли жить среди вас сколько захотим. Вы бы и не заметили. Могли бы занять ведущие позиции в вашем обществе. Делились бы с вами знаниями, наращивали ваш потенциал в геометрической прогрессии, ускоряли вашу эволюцию. И скорее всего, сумели бы дать вам то, к чему вы всегда стремились, но никогда не могли получить.

– И что же это? – спросила я и резко втянула носом соплю.

Салфетки у меня не было, и мне было плевать, как это выглядело со стороны. Прибытие давно перечеркнуло всякие представления о приличиях.

– Мир, – ответил Эван.

– Могли бы. Но не стали.

Эван кивнул.

– Когда это предложение отвергли, я выступил за другой вариант. Более... быстрый.

– Быстрый?

– Астероид. У вас не было ни технологии, чтобы остановить его, ни времени, если бы она была. Мир остался бы непригодным для жизни на тысячи лет.

– И почему это так важно? Вы же чистый разум, бессмертные, как боги. Что для вас тысяча лет?

По всей видимости, ответ на этот вопрос был слишком сложным для моих мозгов. Или Эван просто не хотел со мной им делиться.

– Десять тысяч лет мы имели то, о чем вы только мечтали те же самые десять тысяч лет, – сказал он с коротким и безрадостным смешком. – Существование без боли, без голода, вообще без каких-либо физических потребностей. Но за бессмертие надо платить. Если нет тела, то нет и всего, что к нему прилагается. Независимости, щедрости, сострадания. – Эван показал пустые ладони: ничего, дескать, нет. – Сэм не единственный забыл свой алфавит.

– Ненавижу тебя, – сказала я.

Он покачал головой:

– Это неправда.

– Хочу ненавидеть.

– Надеюсь, у тебя не получится.

– Не ври себе, Эван. Ты не любишь меня. Ты любишь свое представление обо мне. У тебя в голове каша. Ты любишь то, что я воплощаю.

Эван склонил голову набок, и его карие глаза сверкнули ярче звезд.

– А что ты воплощаешь, Кэсси?

– То, что ты, по твоему мнению, потерял. То, что тебе не дано. Но я это только я.

– И что же ты?

Я понимала, о чем он говорит. И в то же время, конечно, не понимала. Речь шла о неразрывной связи между нами, которую не постичь ни ему, ни мне – связи между любовью и страхом. Эван – любовь. Страх – это я.

7

Бен выждал, чтобы выскочить, как черт из табакерки. И, как только я вошла в дом, он так и сделал.

– Все нормально?

Я вытерла слезы и рассмеялась.

«Конечно нормально, Пэриш. Если не считать этот инопланетный апокалипсис, все просто отлично».

– Чем больше он мне объясняет, тем меньше я понимаю, – призналась я.

– Я тебе говорил – с этим чуваком что-то не так.

Бен очень старался не изъясняться в стиле «я же говорил». Ладно, не очень. По сути, именно этим он и занимался.

– Что бы ты сделал, если бы у тебя десять тысяч лет не было тела, а потом вдруг раз – и появилось? – спросила я.

Бен посмотрел себе под ноги и постарался сдержать улыбку.

– Наверно, сходил бы в туалет.

Дамбо и Меган испарились. Мы были в гостиной одни. Бен стоял у камина. Золотые отблески огня плясали у него на лице. За шесть недель, которые мы провели в конспиративном доме Грейс, у него даже появились щеки. Сон в неограниченном количестве, еда, свежая вода и антибиотики сделали свое дело, и Бен стал прежним. Вернее, почти прежним. Он уже никогда не станет таким, каким был до вторжения. В его взгляде сохранилась затравленность, а в движениях – опаска, как у кролика на лугу, над которым парит ястреб.

И Бен был такой не один. Я только через две недели после того, как мы добрались до убежища Грейс, смогла заставить себя посмотреться в зеркало. Вышло как при внезапной встрече с одноклассниками, которых не видела со школьных времен. Ты узнаешь их, но больше смотришь на то, что изменилось. Они не совпадают с воспоминаниями, и в первые секунды ты пребываешь в полной растерянности, потому что для тебя одноклассники – это память о них. Вот и я, посмотревшись в зеркало, не совпала с памятью о себе. Особенно нос, который стараниями Грейс немного съехал вправо, но это ладно, убиваться не стану. У меня нос кривой, а нос Грейс вообще испарился – вместе с нею самой.

– Как там Сэм? – спросила я.

Бен кивнул в сторону коридора.

– Зависает с Меган и Дамбо. За него не волнуйся.

– Он меня ненавидит.

– Это неправда.

– Он сам сказал, что ненавидит.

- Дети часто говорят не то, что думают.

- Не только дети.

Бен кивнул и посмотрел мне за плечо на входную дверь.

- Рингер была права, Кэсси. Это довольно бессмысленно. Он похищает человеческое тело, чтобы перебить все непохищенные тела. Затем в один прекрасный день решает убить всех своих, чтобы спасти непохищенные тела. То есть он решает убить не одного или двух своих там или тут, а всех. Он хочет уничтожить целую цивилизацию. И ради чего? Ради девушки. Девушки!

Зря Бен это сказал. Он и сам это понимал. Но я, чтобы снять любые вопросы, очень медленно и по возможности доходчиво сказала:

- Знаешь, Пэриш, все может быть чуть сложнее. В нем есть и человеческая часть.

«О господи, Кэсси, что с тобой такое? Минуту назад ты была готова порвать Эвана на куски, а сейчас бросаешься на защиту».

- Меня не касается человеческая часть, - ожесточился Бен. - Я знаю, что ты была не в восторге от Рингер, но она чертовски умна и правильно сказала: если у них нет тел, им не нужна планета. А если им не нужна планета, зачем они приперлись за нашей?

- Не знаю! - отрезала я. - Чего у Рингер-то не спросил, раз она так чертовски умна?

Бен сделал глубокий вдох и сказал:

- Вот и спрошу.

В первую секунду я не поняла, о чем это он. Дошло на второй, и только на третьей я осознала, что Бен не шутит и надо что-то сделать в связи с первыми двумя, а именно - сесть.

– Я много об этом думал, – начал Бен и осекся. Похоже, решил смягчить выражения – это для меня-то, будто я истеричка какая! – И я догадываюсь, что ты скажешь, но прежде, чем ты это сделаешь, послушай. Просто выслушай меня, ладно? Если Уокер говорит правду, у нас четыре дня. Через четыре дня за ним прибудет капсула, и он отправится выполнять задуманное. Времени более чем достаточно. Мне хватит. Я успею туда и обратно.

– Куда «туда и обратно», Бен?

– Я пойду не один. Возьму с собой Дамбо.

– Та-а-ак. И куда ты его с собой возьмешь, Бен? – Тут до меня дошло. – Пещеры.

Бен быстро кивнул с облегчением от моего понимания.

– Меня это убивает, Кэсси. Я постоянно о них думаю. Чашка пошла за Рингер. Догнала она ее или нет? Может, погибла. И Рингер тоже. Проклятье, они обе, возможно, уже мертвы. А может, и нет. Может, они добрались до пещер, и Рингер пошла за нами обратно в отель. Только нас там нет, потому что и отеля уже нет. Ей некуда возвращаться. В любом случае, живые или мертвые, они где-то там. И если они живы, они не в курсе событий. Они погибнут, если за ними не придут.

Бен сделал глубокий прерывистый вдох. Пожалуй, первый с того момента, как решился все это выложить.

– Значит, пойдешь за ними, – сказала я. – Как вернулся за Сэмом. И не вернулся за...

– Да. То есть нет. Вот черт! – Бен покраснел и вовсе не от того, что стоял у камина. Он понял, о чем я. – Это не имеет никакого отношения к моей сестре...

– Ты убежал и с тех пор все время пытаешься вернуться.

Бен шагнул в мою сторону. Лица я не видела, только подсвеченный со спины силуэт.

– Ни черта ты не знаешь. А я знаю, почему ты так дергаешься. Ведь Кэсси Салливан в курсе всего?

– Чего ты от меня хочешь, Бен? Я тебе не мама и не командир. Делай что хочешь.

Я встала и сразу села обратно. А куда было идти? Ну, можно было пойти в кухню и сделать сэндвич. Правда, не было ни хлеба, ни ветчины, ни сыра. Я не знаю деталей, но почему-то уверена, что в раю на каждом углу – «Сабвей». И еще магазины «Годива». На второй день пребывания здесь я нашла заначку Грейс – сорок шесть упаковок шоколада «Годива». Не то чтобы я пересчитывала.

– Паршивый денек, – сказала я Бену.

Младший брат меня ненавидел. Мой телохранитель, человек-пришелец, признался, что не видит разницы между состраданием и сотрясением. А парень, по которому я сохла в школе, заявил, что решил пойти на верную смерть, чтобы спасти двух потерявшихся и, вероятно, уже погибших девчонок. И плюс ко всему этому я хотела сэндвич, которого мне не видать. После Прибытия мне постоянно хотелось что-то съесть – хуже, чем при беременности тройней, причем того, как раз того, чего уже никогда не отведают. Например, рожок с шоколадным мороженым. Замороженную пиццу. Или булочки с корицей, которые мама пекла утром по субботам. Картошку фри из «Макдоналдса». Бекон. Хотя нет, бекон еще не выпал из списка. Можно выследить кабанчика, зарезать, разделать, законсервировать мясо, поджарить. Мысль о беконе – о возможности его существования – вселяла надежду. Пропало не все, если бекон не пропал.

Без шуток.

– Извини, – сказал Бен. – Не сдержался.

Он сел рядом дюйма на два ближе, чем полагалось. Раньше я, бывало, фантазировала, как Бен Пэриш сидит на моем диване, мы укрываемся пледом и до часа ночи смотрим по телику старые фильмы. Ужастики. У Бена на коленях ведерко с попкорном. Субботний вечер. Бен мог бы зависать на шести убойных вечеринках, где тусуются телки гораздо круче меня, но он никуда не пошел, ему хватает удовольствия от моего общества.

И вот он рядом. Только нет никаких убойных гулянок, нет телика, пледа и нет, черт возьми, попкорна. Я привыкла, что в мире есть два Бена: реальный, который не подозревал о моем существовании, и воображаемый, который сальными пальцами кормит меня попкорном. Теперь их трое. Те первые два и третий. Этот последний сидит на два дюйма ближе, чем полагается, на нем черный плотный свитер, и у него трехдневная щетина – такой инди-рокер, у него перерыв, и он присел на диван в примерке. Слишком много Бенов, чтобы удерживать их разом в одной голове. Было бы неплохо дать им имена, чтобы не путаться: Бен, Бен-Былой и Бен-Возможный-Раньше.

– Ничего страшного, – сказала я. – Но почему ты должен идти именно сейчас? Почему нельзя подождать? Если у Эвана получится...

Бен затряс головой:

– Получится у него или не получится, не имеет никакого значения. Опасность не в засевших там, наверху, пришельцах. Опасность в людях, которые остаются здесь, внизу. Я должен найти Рингер и Чашку до того, как их накроет Пятая волна.

Он взял мою руку в свои, и тоненький голосок внутри меня пискнул: «Бен».

Этот голосок принадлежал кудрявой и конопатой школьнице, интровертке и всезнайке, робкой и неуклюжей, несмотря на танцы, каратэ и вдохновляющие речи родителей. Той самой, которая таскает за собой огромный мешок с секретами. С обычными мелодраматическими подростковыми секретами, узнай о которых школьные звезды – был бы глубокий шок.

Что с ней такое? Почему бы давно уже не сбежать? Я ведь таскала за собой не только излишек Бенов, но и чересчур много Кэсси. Три Бена, парочка Кэсси, два Сэма и, конечно, но это уже в буквальном смысле, раздвоенный Эван Уокер. Не осталось никого цельного. Наши истинные «я» мерцали, как постоянно отступающий пустынный мираж.

Бен кончиками пальцев, как перышками, провел по моей щеке. И этот голосок в моей голове снова пискнул: «Бен».

А потом я уже своим голосом произнесла:

- Ты погибнешь.

Бен улыбнулся:

- Конечно. И все произойдет так, как должно произойти. Не так, как они там решили. А по-моему.

Скрипнули ржавые петли входной двери, и кто-то сказал:

- Она права, Бен. Тебе лучше подождать.

Бен быстро отодвинулся от меня. На пороге стоял Эван.

- Тебя никто не спрашивал, - сказал Бен.

- На следующем этапе главное - корабль, - медленно и внятно проговорил Эван, как будто разговаривал с психом или идиотом. - Чтобы покончить с делом, надо взорвать корабль. Другого пути нет.

- Плевать мне, что ты взорвешь, - ответил Бен и отвернулся, словно не мог даже смотреть на Эвана. - И на то, как покончить с делом. Наверное, при комплексе спасителя это трудно понять, но я не собираюсь спасать мир. Я хочу спасти двух человек. Всего двух.

Он встал, перешагнул через мои ноги и направился в коридор. Эван окликнул его, и то, что он сказал дальше, заставило Бена замереть на месте.

- Через четыре дня весеннее равноденствие. Если я не попаду на корабль до этого момента и не взорву его, все города на Земле будут уничтожены.

Мать Божья! Я посмотрела на Бена, Бен - на меня, а потом мы оба посмотрели на Эвана.

- И под словом «уничтожены»... - начала я.

– Разбомблены, – объяснил Эван. – Это последний шаг перед пуском Пятой волны.

Бен медленно покачал головой. Было видно, что он в ужасе, ему тошно и он в ярости.

– Почему?

– Чтобы легче было закончить чистку. И стереть остатки человечности.

– Но почему сейчас? – спросил Бен.

– Глушителей вернут на корабль. Так безопаснее. Для нас. Безопаснее для нас.

Я испугалась, что меня вырвет, и поскорее отвернулась. Давно пора привыкнуть к таким поворотам. Только подумаешь, что хуже быть не может, и сразу становится еще хуже.

8

Зомби

Я киваю Дамбо на дверь. Пусть Салливан говорит что хочет, но для меня ее брат всегда будет Наггетсом. Малыш идет за нами, но я велю ему остаться, закрываю дверь и поворачиваюсь к Дамбо:

– Быстро собирайся. Мы выдвигаемся.

У Дамбо округляются глаза:

– Когда?

– Сейчас.

Дамбо тяжело сглатывает и смотрит вдоль коридора в сторону гостиной.

– Только мы вдвоем, сержант?

Понятно, что его беспокоит.

– Я в порядке, Бо. – Ощупываю бок, в который Рингер всадила пулю. – Не на сто процентов – скорее, на восемьдесят шесть с половиной. В общем, очень даже неплохо.

Правда, когда я потянулся, чтобы снять рюкзак с верхней полки шкафа, бок пронзила кинжальная боль. Что ж, сбрасываем полтора процента. Но восемьдесят пять все равно ближе к сотне, а не к нулю. Да и кто под конец игры бывает на сто процентов в форме? Даже этот хороший плохой инопланетянин сломал лодыжку.

Я проверяю содержимое рюкзака, хотя проверять там особо нечего. Надо бы прихватить на кухне свежей воды и продуктов. Да и нож не помешает. Обшариваю наружные карманы. Пусто. Что за черт? Я отлично помню, как клал его в карман. И где он?

Я опускаюсь на колени и в третий раз перепроверяю все свои вещи. Тут входит Дамбо:

– Сержант?

– Он был здесь. Точно был. – Я смотрю на Дамбо, и что-то в моем лице заставляет его дрогнуть. – Наверное, кто-то взял. Господи, Дамбо, да кто же мог его взять?

– Что взять?

Прекращаю рыться в рюкзаке и хлопаю себя по карманам. Черт, вот же он, лежит там, куда я сам его и положил. Медальон моей сестры, тот самый, который остался у меня в руке в ночь, когда я бросил ее умирать.

– Отлично, все в порядке. – Я резко встаю, беру рюкзак с пола и винтовку с кровати.

Дамбо внимательно за мной наблюдает, но меня это мало беспокоит. Этот пацанчик уже не первый месяц за мной приглядывает.

– Я думал, что мы уйдем завтра ночью, – говорит он.

– Если их нет между этим домом и отелем – точнее, местом, где раньше был отель, то нам придется пройти через Эрбану. Причем дважды, – объясняю я. – И мне не хочется оказаться рядом с Эрбаной, когда эти сволочи превратят ее в Дубук.

– Дубук? – Дамбо бледнеет, ни кровинки в лице.

«О господи, опять Дубук!»

Я закидываю рюкзак на одно плечо, винтовку – на другое.

– Базз Лайтер[3 - Базз Лайтер – вымышленный персонаж и один из главных героев франшизы «История игрушек». Базз – фигурка космического полицейского.] только что сообщил, что они собираются уничтожить города.

Дамбо не сразу врубается.

– Какие города?

– Все города.

У Дамбо отвисает челюсть. Он хвостом идет за мной в коридор, дальше за угол и в кухню. Бутилированная вода, несколько упаковок вяленого мяса, крекеры, горсть протеиновых батончиков. Делю припасы на двоих. Действовать надо быстро, в любую секунду может сработать радар Наггетса, и тогда он выскочит из комнаты и повиснет у меня на ноге.

– Все? – переспрашивает Дамбо и хмурится. – Но Рингер говорила, что они не собираются уничтожать города.

– Что ж, значит, она ошибалась. Или Уокер соврал. Натрепал о том, что надо подождать, пока не эвакуируют всех глушителей. Знаешь, что я решил, рядовой? Я больше не стану терять время и париться из-за вещей, которых не понимаю.

Дамбо трясет головой. Услышанное никак не укладывается у него в голове.

– Все-все города на Земле?

– Да, все, вплоть до последнего занюханного городишки с одним единственным светофором.

– Как?

– Корабль-носитель. Через четыре дня он совершит один большой оборот вокруг Земли. И будет бомбить. Если только Уокер не успеет его взорвать, а в это я слабо верю.

– Почему?

– Потому что слабо верю в Уокера.

– Я все равно не понимаю, Зомби. Почему они так долго ждали? Могли бы сразу бомбить.

Дамбо всего трясет, включая голос. Он вот-вот сорвется. Я беру его за плечи и заставляю посмотреть мне в глаза.

– Я тебе говорил. Они эвакуируют глушителей. Посылают капсулы за каждым инвазированным. Операторы типа Воша не в счет. После эвакуации они уничтожат города. Выжившим будет негде прятаться, они превратятся в легкие мишени, и бедняги с промытыми мозгами закончат начатое. Пятая волна. Теперь понятно?

Дамбо качает головой:

– Мне все равно. Куда ты, туда и я, сержант.

За спиной Дамбо мелькает чья-то тень. Чертова тень Наггетса. Ну вот, дождался.

– Зомби?

Я обреченно вздыхаю:

– Ладно, Дамбо, дай нам минуту.

Дамбо бормочет себе под нос одно-единственное слово: «Дубук!» – и выходит из кухни. Я остаюсь один на один с Наггетсом. Я не хотел этого, но нельзя убежать от всего на свете. Так не бывает. Все движется по кругу. Рингер пыталась мне это объяснить: не важно, как далеко и как быстро ты бежишь; раньше или позже ты вернешься в исходную точку. Я психанул, когда Салливан напомнила мне о сестре. Но мы оба знали, что она права. Сисси умерла. Сисси никогда не умрет. Я всегда буду тянуться к ней, а она – ускользать. И в руке у меня останется только порванная цепочка.

– Где рядовые Рингер и Чашка? – спрашиваю я Наггетса.

Он поднимает ко мне умытое лицо и выпячивает нижнюю губу.

– Не знаю.

– И я тоже. Так что мы с Дамбо собираемся пойти и найти их.

– Я с вами.

– Нет, рядовой, это не обсуждается. Ты должен остаться и присмотреть за сестрой.

– Я ей не нужен. У нее есть он.

Я даже не пытаюсь с ним спорить. Он слишком умен, его не обманешь.

– Ладно, тогда я приказываю тебе позаботиться о Меган.

- Ты говорил, что мы всегда будем вместе. Что бы ни случилось.

Я опускаюсь перед ним на одно колено. Глаза Наггетса блестят от слез, но он не плачет. Этот маленький сукин сын - крепкий парень, и он гораздо старше своих лет.

- Я вернусь через пару дней.

Эффект дежавю: именно эти слова произнесла перед уходом Рингер.

- Обещаешь?

Именно так и я отреагировал на ее слова. Рингер не стала ничего обещать. Она-то знала цену обещаниям. А я - нет. Я не такой умный.

- Я хоть раз нарушил слово? - Я беру Наггетса за руку, разжимаю ему пальцы и вкладываю в ладонь медальон Сисси. - Сохрани его.

Наггетс смотрит на поблескивающий металл:

- А что это?

- Часть цепи.

- Какой еще цепи?

- Той, которая держит нас вместе.

Наггетс трясет головой, ему трудно это уразуметь.

Да и мне тоже. Я сам не понимаю, о чем сказал и зачем. Это медальон, дешевая бижутерия. Мне казалось, что я храню его из чувства вины, чтобы не забывать о своем поражении и вообще обо всем, чего не смог сделать. Но возможно, есть другая причина, и я не могу ее сформулировать, потому что мне просто не хватает словарного запаса. А может, и причин никаких нет.

Наггетс плетется за мной в гостиную.

- Бен, тебе стоит еще раз все хорошо обдумать, - говорит Уокер.

С того момента, как я ушел из гостиной, он не сдвинулся с места. Так и торчит у входной двери. Салливан стоит напротив камина, обхватив себя за плечи. Я пропускаю слова Уокера мимо ушей и обращаюсь к Салливану:

- Они либо в пещерах, либо нет. Если они там, мы приведем их обратно. А нет так нет.

- Мы отсиживаемся здесь уже недель шесть, - встречает Уокер. - Мы еще живы лишь потому, что нейтрализовали агента, который патрулировал данный сектор.

Кэсси решает выступить переводчиком для такого тормоза, как я:

- Агент - это Грейс. Чтобы добраться до пещер, тебе придется пересечь три...

- Два, - поправляет ее Уокер.

Кэсси закатывает глаза: «Какая, к чертям, разница».

- Два сектора патрулируют глушители вроде него. - Тут она мельком глядит на Уокера. - Ну, или не совсем такие, как он. Не хорошие глушители, а по-настоящему плохие, которые очень даже хорошо глушат.

- Возможно, тебе повезет и мимо одного ты проскользнешь, - говорит Уокер. - Но двух тебе не пройти.

- Но если подождать, то не будет никаких глушителей. И тебе не придется проскальзывать мимо них. - Кэсси уже рядом со мной, трогает за руку. - Все они вернутся на корабль-носитель. Эван сделает свое дело, и тогда ты сможешь... -

Она замолкает, ей не хватает запала, чтобы переубедить меня.

Я не смотрю на нее, я смотрю на Уокера. Я знаю, что он собирается сказать, потому что и сам бы это сказал. Если у нас с Дамбо нет шансов добраться до пещер, то и у Рингер с Чашкой их тоже не было.

– Ты не знаешь Рингер, – говорю я Уокеру. – Если кто-то и может туда попасть, то это она.

Уокер кивает. Но он соглашается только с моим первым утверждением, а не со вторым.

– После пробуждения нас усовершенствовали с помощью технологии, благодаря которой мы стали практически неуязвимыми. Мы превратились в машины для убийства, Бен. – Тупой урод делает глубокий вдох и все-таки произносит это вслух: – У них не было шансов продержаться так долго. Только не против нас. Твои друзья уже мертвы.

Я все равно уйду. Пошел он к черту. Пошли они все. Мне надоело торчать тут без дела в ожидании конца света.

Рингер не сдержала слова, – что ж, я сделаю это за нее.

10

Рингер

Часовые ждут меня у ворот. Меня немедленно ведут к сторожевой вышке с видом на летное поле. Еще один круг замкнулся. Там меня ждет Вош. Кажется, что последние сорок дней он не двигался с места.

– Зомби жив, – сообщила я, глянула вниз и увидела, что стою на кровавом пятне.

Здесь упал Бритва. А в нескольких шагах от этого места, у пульта управления, пуля Бритвы убила Чашку.

Чашка.

Вош пожал плечами:

– Это неизвестно.

– Ладно, может быть, не Зомби, но кто-то знающий меня.

Вош промолчал.

«Это может быть Салливан, – подумала я. – С моим везением это, скорее всего, она».

– Вы знаете, что мне не подобраться к Уокеру, если за меня не поручится тот, кому он доверяет.

Вош скрестил на груди длинные сильные руки и свысока внимательно посмотрел на меня поблескивающими птичьими глазами.

– Ты так и не ответила на мой вопрос. Я человек?

Я ни секунды не колебалась:

– Да.

Вош улыбнулся.

– И ты до сих пор считаешь, что этот факт не оставляет надежды? – Он не стал дожидаться ответа. – Я надежда этого мира. Судьба человечества в моих руках.

– Должно быть, тяжкое бремя, – заметила я.

– Шутки шутишь.

– Им нужны такие, как вы. Организаторы и менеджеры, которые в курсе, зачем они пришли и чего хотят.

Вош кивнул и просветлел лицом. Он был доволен мной и доволен собой, потому что выбрал меня.

– У них не было выбора, Марика. Естественно, это означает, что выбора не было и у нас. Мы при любом раскладе обречены на самоуничтожение. Единственное решение – радикальная интервенция. Уничтожить деревню ради ее спасения.

– И убить семь миллиардов было недостаточно, – подхватила я.

– Конечно. В противном случае им хватило бы одного большого камня. Нет, лучшее решение – ребенок на пшеничном поле.

У меня даже желудок свело, когда я вспомнила эту картинку. Малыш бредет по полю мертвой пшеницы. Его подбирает небольшая группа выживших. Последние остатки доверия уничтожила зеленая вспышка адского света.

В день нашего знакомства я, как любой новобранец, прослушала целую речь.

«Последняя битва на Земле случится не на равнине, не в пустыне и не на вершине горы...»

Я прикоснулась к груди:

– Вот – поле битвы.

– Да. Иначе все может повториться.

– И потому так важен Уокер.

– Программа, которую в него установили, рухнула. Ты прекрасно понимаешь, что нам необходимо выяснить почему. И сделать это можно только одним способом.

Вош нажал кнопку на консоли. Дверь у меня за спиной открылась, и в комнату вошла женщина средних лет, с лейтенантскими нашивками на воротнике. Она улыбалась. У нее были идеально ровные и очень крупные зубы. Глаза серые. Светло-желтые волосы стянуты в тугий узел на затылке. Она мне сразу не понравилась. Я нутром почувствовала в ней врага.

– Лейтенант, препроводите рядовую Рингер в изолятор для предварительного осмотра. В четыре ноль-ноль жду вас в конференц-зале «Браво», – распорядился Вош и отвернулся. Я его больше не интересовала. Пока.

Уже в лифте женщина с песочными волосами осведомилась:

– Как себя чувствуешь?

– Отвали.

Она продолжала улыбаться, будто я ответила: «Прекрасно. А ты?»

– Меня зовут лейтенант Пирс. Но ты можешь называть меня Констанс.

Тренькнул звонок, двери лифта открылись. Лейтенант ударила меня кулаком по шее. В глазах у меня потемнело, колени подогнулись.

– Это за Клэр, – сказала она. – Ты ее помнишь.

Я выпрямилась и двинула ей в челюсть основанием ладони. Она врезалась затылком в стену. Звук мне понравился. Потом я со всей силой, которой наделила мои мускулы двенадцатая система, заехала ей кулаком в живот. Она рухнула мне под ноги.

– А это за семь миллиардов. Ты их помнишь.

В изоляторе меня тщательно обследовали. Цель осмотра – диагностика двенадцатой системы. Они должны были убедиться, что она работает на все сто процентов. А потом санитар принес на подносе гору еды. Я больше месяца не ела нормально и смела все подчистую. Тогда санитар унес пустую тарелку и вернулся с полной. С ней я тоже расправилась.

Потом принесли мою старую униформу. Я разделась и постаралась, насколько это было возможно, отмыться над раковиной. Я не мылась сорок дней; пахло от меня, прямо скажем, не очень, и мне почему-то стало неловко. Зубной щетки не выдали, так что зубы я почистила пальцем. По ходу мне стало любопытно: укрепляет ли двенадцатая система зубную эмаль? Потом я оделась, обулась и туго зашнуровала ботинки. Стало полегче. Теперь я чувствовала себя почти как в старые времена, когда еще пребывала в блаженном неведении. В тот вечер наивная и неусовершенствованная Рингер ушла от Зомби, мысленно пообещав: «Я вернусь. Если смогу, вернусь».

Резко распахнулась дверь. Констанс. Она сменила свою форму на мом-джинсы и заношенную толстовку.

– Мне показалось, что мы неудачно начали, – сказала она.

– Отвали.

– Мы теперь партнеры, – сладким голосом напомнила Констанс. – Напарницы. Лучше бы нам поладить.

Я спустилась следом за ней на три пролета в подземный бункер. Там мы прошли по лабиринту коридоров с серыми стенами и бесконечными дверями без табличек и номеров. Равномерный стерильный свет флуоресцентных ламп напомнил мне о проведенном с Бритвой времени, когда мое тело безуспешно боролось с двенадцатой системой. Мы играли в шахбол, изобретали секретные коды и планировали безнадежный побег, который вернет меня под этот мертвенный свет и поведет по очередному кругу неопределенности и страха.

Констанс шла на полшага впереди меня. Наши шаги эхом раздавались в пустом коридоре. Я даже слышала ее дыхание.

«Плевое дело убить тебя прямо сейчас», – лениво подумала я, но сразу отбросила эту мысль. Я надеялась, что у меня еще будет такая возможность, просто еще не пришло время.

Констанс толкнула дверь, которая ничем не отличалась от остальных, и мы вошли в конференц-зал. На стене – проекционный экран, напротив экрана – длинный стол, а в центре стола – металлическая коробочка.

За столом сидел Вош. Когда мы вошли, он встал. Свет убавился, на экране возник аэроснимок: пустынная двухполосная дорога бежит по холмам через поля. В центре снимка – прямоугольная крыша дома. В левой части прямоугольника – мерцающая точка. Тепловой след. Кто-то стоит на посту. Внутри дома – группа из нескольких светящихся пятен. Сперва я их пересчитала, потом дала имена: Дамбо, Кекс, Салливан, Наггетс, Уокер и последний – Зомби.

«Привет, Зомби».

– Это данные разведывательного полета шестинедельной давности, – пояснил Вош. – Дом находится приблизительно в пятнадцати милях к юго-востоку от Эрбаны.

Экран на секунду погас и снова зажегся. Та же черная лента дороги, тот же темный прямоугольник, то есть дом, только светящихся точек стало на две меньше.

– Этот снимок был сделан вчера вечером.

Камера увеличила охват. Теперь на снимке были видны леса, поля, другие черные прямоугольники. Темные пятна на сером фоне – пустынный, безжизненный мир. Тонкая лента дороги выскользнула из кадра, и вот далеко на северо-западе я увидела их. Две светящиеся точки.

– Куда они направляются? – спросила я, хотя сама уже не сомневалась, что знаю ответ.

Вош пожал плечами:

- Точно сказать нельзя, но, скорее всего, они идут сюда.

Каринка застыла. Вош указал на точку в верхней части экрана и многозначительно посмотрел на меня.

Я закрыла глаза и живо вспомнила Зомби в его безобразной желтой толстовке. Как он стоял у стойки в вестибюле старого отеля с дурацкой брошюрой в руке. А я говорила ему: «Я все разведую и через пару дней вернусь».

- Они идут к пещерам, - сказала я. - За мной.

- Да, думаю, так и есть, - согласился Вош. - И не сомневайся, они тебя найдут. - В конференц-зале вновь стало светло. - Тебя перебросят туда сегодня же вечером, то есть задолго до их прибытия. Задача лейтенанта Пирс - захватить цель. Тебе надо лишь подвести ее на достаточно близкое расстояние. После завершения миссии лейтенанта Пирс и Уокера вернут на базу.

- И что потом? - спросила я.

Вош медленно моргнул. Он ожидал, что я знаю ответ.

- А потом ты и твои товарищи будете вольны пойти, куда пожелаете.

- Это куда же?

Едва заметная улыбка.

- Куда ноги понесут. Но я советую оставаться на открытой местности. Заходить в города будет небезопасно.

Вош кивнул Констанс, и та быстро направилась мимо меня к двери.

- Прихвати это, милочка. Тебе точно понадобится, - буркнула она на ходу.

Я посмотрела ей вслед.

«Прихватить? Что прихватить?»

– Марика.

Вош поманил меня пальцем.

Я не двинулась с места.

– Почему вы посылаете ее со мной? – спросила я и сама ответила: – Вы не собираетесь нас отпускать. Вы убьете нас, как только получите Уокера.

Вош вскинул брови.

– Зачем мне тебя убивать? Без тебя этот мир станет намного скучнее. – Он отвел взгляд и закусил губу, словно сболтнул лишнее, а после указал на коробочку в центре стола и довольно грубо заявил: – Мы больше не увидимся. Я подумал, что это будет уместно.

– Что?

– Прощальный подарок.

– Ничего мне от вас не надо, – ответила я, хотя сначала хотела посоветовать ему засунуть свой подарок в задницу.

Вош подтолкнул ко мне коробочку. Он улыбался.

Я не знала, чего и ждать. Может, дорожные шахматы? В память о времени, проведенном вместе. Я подняла крышку. В коробочке на поролоновой подушечке лежала зеленая гранула в прозрачном полиэтиленовом пакетике.

– Мир – это часы, Марика, – тихо сказал Вош. – И скоро наступит время, когда выбор между жизнью и смертью перестанет быть трудным.

– Что это?

– В горле ребенка с пшеничного поля была установлена модифицированная версия этой модели. Но эта в шесть раз мощнее и способна в секунду уничтожить все в радиусе пяти миль. Кладешь гранулу в рот, надкусываешь, и дальше тебе остается только дышать.

Я помотала головой:

– Мне это не нужно.

Вош кивнул. Глаза его заблестели. Его не удивил мой отказ.

– Через четыре дня наши покровители на корабле-носителе начнут бомбить все оставшиеся на Земле города. Ты понимаешь, Марика? Они сотрут с лица земли все следы нашей цивилизации. Все, что мы создавали десять тысячелетий, будет уничтожено за один день. А затем на выживших выпустят солдат Пятой волны. Начнется война. Последняя война, Марика. Бесконечная. До последнего патрона. А когда закончатся патроны, в ход пойдут камни и палки.

Очевидно, мой недоуменный вид начал действовать Вошу на нервы. Он заговорил жестче:

– Какой урок преподнес ребенок в пшенице?

– Нельзя верить чужакам, – ответила я, не отрывая глаз от зеленой гранулы на поролоновой подушечке. – Даже если чужак – маленький ребенок.

– И что происходит, когда никому нельзя верить? Что происходит с нами, если любой незнакомец может оказаться иным?

– Без доверия нет сотрудничества. А без сотрудничества нет прогресса. История останавливается.

– Да! – просиял от гордости Вош. – Я знал, что ты поймешь. Ответ на решение проблемы человека – уничтожение всего, что делает нас людьми.

Он поднял руку, как будто собрался дотронуться до меня, но осекся. Впервые после нашего знакомства мне показалось, что его что-то беспокоит. Не знай я

его – решила бы, что он чего-то боится.

Вош уронил руку и отвернулся.

12

Обшивка Си-160 поблескивала в лучах заходящего солнца. На взлетно-посадочной полосе подмораживало, но я ощущала, как солнечный свет ласкает мои щеки. Четыре дня до весеннего равноденствия. Через четыре дня корабль-носитель сбросит на Землю свой смертоносный груз. Четыре дня до конца.

Констанс в последний раз проверяла свое снаряжение, а наземная команда в последний раз проверяла самолет. При мне были пистолет, винтовка и нож. И зеленая гранула в кармане.

Я все-таки приняла прощальный подарок Воша.

Понятно, почему он хотел, чтобы я взяла эту гранулу, и что означал этот подарок. Он собирался сдержать слово: как только Констанс схватит Уокера – мы свободны.

И правда – чем мы опасны? Прятаться нам негде. Возможно, пройдут месяцы, прежде чем мы окажемся перед окончательным выбором: как принять смерть. На их условиях или на наших? И когда нас загонят в угол или захватят в плен, у меня, помимо этих двух вариантов, будет подарок Воша. И я сделаю свой выбор.

Я посмотрела сверху вниз на Констанс. Та продолжала рыться в своем рюкзаке. Ее голая шея отсвечивала золотистым светом. Я представила, как беру нож и по самую рукоятку вонзаю его в эту нежную шею. Ненависть не решение проблемы. Это я понимала прекрасно. Констанс была такой же жертвой, как и я, как семь миллиардов погибших, как тот бежавший через пшеничное поле ребенок. На самом деле и Констанс, и Уокер, и тысячи инвазированных программой глушителей были самыми несчастными жертвами из всех.

Я хоть умру с широко открытыми глазами. Умирая, я буду знать правду.

Констанс перестала рыться в рюкзаке и посмотрела на меня. Не знаю, так это было или нет, но мне показалось, она ждет, что я снова пошлю ее подальше.

Посылать я ее никуда не стала и вместо этого спросила:

– Ты его знаешь? Эвана Уокера. По идее, вы все должны быть знакомы. Провели вместе там, – я глянула на зеленоватое пятно в небе, – десять тысяч лет. У тебя есть версии – почему он вышел из-под контроля?

Констанс вместо ответа обнажила свои крупные белые зубы.

– Ладно, это фигня, – продолжила я. – Все, что ты принимаешь за правду, – бред собачий. Что ты думаешь о себе, твои воспоминания – все это бредятина. Еще до твоего рождения они заложили в твой мозг программу и запустили ее, когда ты стала половозрелой. Наверно, проснувшиеся гормоны дали старт какой-то химической реакции.

Констанс кивнула «во все зубы».

– Уверена, эта мысль утешает.

– С помощью этой вирусной программы у тебя в мозгах буквально поменяли всю проводку, и теперь ты помнишь то, чего не было. Считаешь себя инопланетным сознанием, явившимся сюда с целью уничтожить человечество и колонизировать Землю. Ничего подобного. Ты человек. Как и я. Как Вош. Как все остальные.

– У меня с тобой нет ничего общего, – отозвалась Констанс.

– Ты, видно, думаешь, что в какой-то момент вернешься на корабль-носитель, а там уж Пятая волна закончит уничтожение человечества. Но ничего этого не будет, потому что это не входит в их планы. Вы закончите тем, что будете драться с той самой армией, которую сами же и создали. До последнего патрона, пока история не остановится. Доверие ведет к сотрудничеству, сотрудничество – к прогрессу. Больше не будет никакого прогресса. Это не каменный век, это бесконечный каменный век.

Констанс закинула рюкзак на плечо и встала.

– Увлекательная история. Мне нравится.

Я вздохнула. Такую не прошибешь, но что с нее взять. Скажи она мне: «Твой отец не был художником и пьяницей, он был трезвенником и баптистским священником», я бы ей не поверила. Cogito ergo sum[4 - Мыслю, следовательно существую (лат.)]. Наша память является окончательным доказательством реальности в большей мере, чем сумма ощущений.

Включились двигатели Си-160. Я даже вздрогнула от этого звука. Сказались сорок дней, проведенные в дикой местности, где ничто не напоминало о механизированном мире. От запаха выхлопных газов и вибрации воздуха у меня защемило сердце. Ведь сгинет и это. Последняя битва еще не началась, но война уже проиграна.

Солнце, как будто устало вздохнув, зашло за горизонт. Мы с Констанс трусцой взбежали по платформе в самолет, сели рядом и пристегнулись.

Дверь с громким шипением встала на место. Спустя секунду мы уже выруливали на взлетную полосу. Я взглянула на Констанс – улыбка на месте, в темных глазах эмоций как у акулы. Я случайно прикоснулась к ее руке и через толстый рукав парки ощутила кипящую в ней ненависть. Из нее в меня хлынул поток злобы и презрения. И тогда я поняла: несмотря на отданный ей приказ и обещания Воша, как только Констанс доберется до цели и я перестану быть нужной, она убьет и меня, и Зомби, и всех остальных. Слишком рискованно оставлять нас в живых.

Значит, мне придется убить ее.

Самолет сорвался с места. У меня свело желудок, к горлу подкатила тошнота. Это было очень странно. Раньше меня никогда не укачивало.

Я откинулась на переборку и закрыла глаза. Хаб откликнулся на мое желание – отключил слух и осязание. Погрузившись в благословенную тишину, я начала просчитывать все возможные варианты.

Констанс должна умереть. Но убийство Констанс усугубит проблему Эвана. Вош может послать второго оперативника, но при этом потеряет тактическое преимущество. Если я убью Констанс, он может решить проблему с помощью

одной ракеты «Хеллфаер».

Но не станет, если Уокер нужен ему живым.

Если Уокер еще жив.

Во рту появился противный кислый привкус. Я почувствовала позыв к рвоте и сглотнула.

Вош должен был прогнать Уокера через «Страну чудес». Только так он узнает, почему Эван восстал против своей программы. И в чем было дело – в Уокере, дефекте программы или том и другом. Фундаментальный изъян в программе создаст неустойчивую парадигму.

Но если Уокер погибнет, Вош не найдет изъяна, и вся операция рухнет. Нельзя вести войну, особенно бесконечную, если все будут сражаться на одной стороне. Что бы там ни стряслось с Уокером, то же самое могло случиться и с другими глушителями. Вош должен был узнать, почему отказала программа Эвана.

«Это недопустимо. Вош не должен получить то, чего хочет».

Быть может, наша последняя надежда именно в том, чтобы не дать Вошу желаемое. И сделать это можно было только одним способом.

Эвану Уокеру придется умереть.

13

Сэм

Зомби на дороге. Он уменьшается.

Зомби и Дамбо идут по пустынной, залитой лунным светом дороге.

Сэм достает из кармана серебряную цепочку и сжимает ее в кулаке.

«Обещаешь?»

«Я хоть раз нарушил слово?»

Темнота, как пасть монстра, постепенно заглатывает Зомби, и Зомби исчезает, остается только монстр, только темнота.

Сэм прижимает ладонь к холодному стеклу. В тот день, когда автобус забрал его в лагерь «Приют», он смотрел на оставшуюся на коричневой дороге Кэсси. Она держала в руках мишку и постепенно уменьшалась, ее поглотила пыль, как Зомби поглотила темнота.

- Почему ты его не остановил? - злым голосом спрашивает Кэсси, стоящая сзади.

- Я пытался, - отвечает Эван Уокер.

- Плохо пытался.

- Не знаю, что еще я мог сделать. Разве только ноги ему переломать.

Сэм отрывает ладонь от окна, и на стекле остается след. Так же когда-то остался отпечаток его руки на стекле автобусного окна.

- А когда ты потеряла Сэма, разве кто-нибудь мог удержать тебя от поисков? - спрашивает Эван Уокер и выходит из дома.

Сэм видит в окне отражение сестринского лица. Кэсси изменилась, как изменились все после их появления. Она уже не та Кэсси, которая скрылась из виду на пыльной дороге. Нос у нее немножко кривой, как у тех, кто прижимается им к окну.

- Сэм, - говорит она, - уже поздно. Хочешь, сегодня переночуешь в моей комнате? Как ты на это смотришь?

Он мотает головой:

- Я должен присматривать за Меган. Приказ Зомби.

Кэсси хочет что-то сказать, но осекается и в итоге соглашается:

- Хорошо. Я приду через минуту, помолимся вместе.

- Не собираюсь я молиться.

- Сэм, надо молиться.

- Я молился за маму, и она умерла. Молился за папу, и он тоже умер. Когда за кого-то молишься, он умирает.

- Они не от этого умерли, Сэм.

Кэсси тянется к нему, он отстраняется.

- Я больше не буду ни за кого молиться.

В спальне Меган сидит на кровати с мишкой на коленях.

- Зомби ушел, - сообщает ей Сэм.

- А куда он пошел? - шепотом спрашивает Меган.

Она теперь все время говорит шепотом. Кэсси и Эван Уокер что-то повредили у нее в горле, когда вытаскивали оттуда гранулу-бомбу.

- Отправился искать Рингер и Чашку.

Меган не знает, кто такие Рингер и Чашка. Она качает головой и сжимает руками мишкину голову, от чего у мишки сморщивается мордочка, как будто он хочет кого-то поцеловать.

- Ты поаккуратнее с ним, - говорит Сэм. - Не оторви ему голову.

Окно в их спальне заколочено, и выглянуть наружу нельзя, а ночью, если выключить лампу, темнота становится плотной, как тяжелое одеяло. С потолка свисают обрывки проволоки и два металлических шара. Зомби сказал, что это - макеты Юпитера и Нептуна. Это та самая комната, где Эван Уокер пытался убить злобную леди Грейс с помощью проволоки, на которой были подвешены макеты планет Солнечной системы. На ковре остались темные кровавые полосы, а на стенах - пятна. Совсем как в маминей спальне после того, как она заразилась Красной смертью. У нее тогда все время шла носом кровь. Кровь текла из носа и изо рта, а ближе к концу - из глаз и даже из ушей. Сэм помнит кровь, но не может вспомнить лицо.

- Я думала, мы все останемся здесь, пока Эван не взорвет корабль, - шепчет Меган и еще сильнее сжимает мишку.

Сэм открывает шкаф. Кроме одежды и обуви, которые немного пахнут чумой, там сложены настольные игры, фигурки героев из комиксов и коллекция машинок из серии «Горячие колеса».

Однажды Кэсси зашла в комнату и увидела, как Сэм, сидя на измазанном кровью полу, играет в игрушки погибших детей. Он построил лагерь. Еще отряд из пластмассовых фигурок героев комиксов. Свое старое Отделение 53. У них был джип и самолет. Отряд на задании. Приказ - проникнуть в крепость инвазированных. Но только инвазированные заметили их приближение и послали дроны. Дроны забросали отряд бомбами. Все были ранены. Все, кроме Сэма. И Зомби сказал ему: «Рядовой, теперь все зависит от тебя. Ты один можешь нас спасти».

Сестра несколько минут наблюдала за его игрой, а потом ни с того ни с сего расплакалась. Сэм тогда сильно на нее разозлился. Он не знал, что сестра за ним наблюдает, и не понимал, почему она плачет. И еще ему стало стыдно. Ведь он был солдатом, а не каким-то ребенком. С тех пор он перестал играть в игрушки.

Сэм в нерешительности замирает перед шкафом. Меган сидит на кровати и наблюдает за тем, что он делает. Она не знает о его секрете. Никто не знает. Но Зомби отдал ему приказ, и он должен его выполнять. Зомби - его командир.

– Если он взорвет корабль, то как же ему самому уберечься? – спрашивает Меган.

Перед тем как залезть в шкаф, Сэм оглядывается на нее и отвечает:

– Надеюсь, так и будет.

Зомби говорил, что не доверяет Эвану Уокеру. Уокер – инвазированный, и потому не важно, что он им помогает. Враг – всегда враг, и нельзя доверять предателям – так сказал Зомби. Кэсси уверяла, что Эван ей не дружок, но Сэм-то видел, как она на него смотрит и каким тоном разговаривает. Он не верил Кэсси, когда она говорила, что Эвану можно доверять или что Эван все сделает правильно. Сэм верил солдатам из лагеря, а потом оказалось, что они враги.

В шкафу он опускается на колени перед грудой сваленной у стенки одежды. Никто не знает, что он там прячет. Даже Зомби.

В первый день они обследовали весь дом. Когда осталось осмотреть подвал, Зомби запретил Сэму туда спускаться. Он пошел туда вместе с Дамбо и Эваном Уокером. А вернулись они с оружием. Принесли винтовки, пистолеты, взрывчатку и очень большую, похожую на трубу штуку, которая стреляет с плеча. Зомби сказал, что это «Стингер», и объяснил, что из него можно подбивать вертолеты и самолеты. А потом запретил Сэму спускаться в подвал и прикасаться к оружию. Сэм был таким же солдатом, как Дамбо или даже Зомби, и считал это несправедливым решением.

Сэм засовывает руку под грудку одежды и достает оттуда пистолет. «Беретта М9».

«Крутой ствол».

– Что ты там делаешь? – спрашивает Меган, а сама дергает мишку за ухо.

Ей не следует этого делать, Сэм тысячу раз говорил. С тех пор как они обосновались в этом доме, Дамбо уже дважды пришивал оторванное ухо. Мишка был с Сэмом, сколько он себя помнил, но Сэм все равно отдал его Меган, пусть даже она постоянно дергала мишку за уши, сплющивала ему голову и называла

разными именами. Из-за этих имен они однажды даже поругались.

- Его зовут Мишка, - сказал Сэм.

- Мишка - это не имя. Он сам и есть мишка. Я назвала его Капитаном.

- Ты не можешь его переименовывать.

Меган пожала плечами:

- А я переименовывала.

- Мишка - мой.

- Тогда забирай его обратно. Мне не жалко.

Сэм покачал головой. Он не хотел забирать у Меган мишку. Он больше не ребенок, он солдат. Он только хотел, чтобы Меган называла мишку настоящим именем - и все.

- Тебя раньше звали Сэм, а теперь у тебя другое имя, - заметила Меган.

- Это не одно и то же. Мишка не солдат из нашего отделения.

Но Меган все делала по-своему, а когда узнала, что Сэм терпеть не может имя Капитан, принялась постоянно называть мишку Капитаном. Нарочно, чтобы досадить Сэму.

Не поворачиваясь к Меган, Сэм засовывает пистолет за пояс и прикрывает его не по размеру большим красным спортивным свитером.

- Сэм? Капитан спрашивает, что ты там делаешь.

В тот вечер Сэм попросил у Зомби разрешения взять один пистолет. Их там была целая дюжина. Как выразился Зомби, «обалденный арсенал». Но все равно не

разрешил. Кэсси тогда стояла рядом, и Сэм подождал, пока она выйдет из комнаты, после чего снова попросил пистолет. Несправедливо, что у всех есть оружие, а у него и у Меган – нет. Но Меган не в счет. Она гражданская. Она не прошла подготовку в лагере.

Ее забрали из автобуса и где-то держали, пока не пришло время установить ей в горло бомбу-гранулу. Меган рассказала, что она была не одна. Там было много детей из автобусов. Сотни таких же детей. А Эван Уокер сказал, что каждого использовали для того, чтобы обдурить выживших. Этим детей по земле или по воздуху переправляли к местам, где, по данным врага, прятались люди. Люди хотели спасти детей и брали их к себе. И умирали.

А Кэсси заявила, что они должны доверять Уокеру!

Пистолет под свитером холодит кожу. Такое приятное ощущение, даже лучше, чем обниматься. Сэма не пугает оружие. Он вообще ничего не боится. У него приказ присматривать за Меган. Но Зомби перед уходом не оставил никого приглядывать за Эваном Уокером. Поэтому Сэм и это возьмет на себя.

В лагере «Приют» солдаты обещали ему защиту. Они твердили, что в лагере он в полной безопасности. Уверяли, что все будет хорошо. Они все ввали. Они ввали обо всем, потому что все – вруны. Все обещают, но слова не держат. Даже мама и папа обманывали. Когда в небе появился корабль-носитель, родители сказали, что никогда не оставят Сэма. А сами оставили. Они обещали, что все будет хорошо, а все стало плохо.

Сэм забирается на кровать напротив кровати Меган и принимается разглядывать свисающие с потолка металлические провода и шары. А Меган за ним наблюдает. Она крепко прижимает к груди мишку и дышит ртом, как будто у нее заложен нос.

Сэм отворачивается к стене. Нельзя, чтобы Меган видела, как он плачет.

Он не ребенок. Он солдат.

Теперь уже невозможно определить, кто человек, а кто иной. Эван Уокер выглядел очень даже как человек, но человеком-то он не был, не внутри, где это самое главное. Даже таким, как Меган (если она человек), нельзя доверять.

Потому что неизвестно, что с ними сделал враг. Зомби, Кэсси, Дамбо... На самом деле им тоже нельзя верить. Они все могут оказаться такими, как Эван Уокер.

Сэм лежит в густой непроглядной темноте под свисающими с потолка обрывками проволоки, и сердце его начинает биться все быстрее и быстрее.

Может быть, его обманывают все. Даже Зомби. Даже Кэсси.

У него сжимается горло. Тяжело дышать.

«Надо молиться, Сэм», – сказала Кэсси.

Раньше он молился каждый вечер, и каждый вечер на его молитвы Бог давал один и тот же ответ – нет.

«Господи, пусть мама живет».

Нет.

«Господи, пусть папа вернется».

Нет.

Богу тоже верить нельзя. Даже Бог – обманщик. Он повесил в небе радугу в знак того, что больше никогда никого не убьет. А потом взял и позволил иным прилететь и все это сделать. Все люди, которые погибли, наверняка тоже молились. А Бог отвечал: нет, нет, нет. Семь миллиардов «нет».

Холодный металл на голом животе. Как холодная ладонь на лбу. Меган дышит ртом, и звук напоминает Сэму о бомбах, которые детонируют от дыхания.

«Они не остановятся, – думает Сэм. – Они не остановятся, пока все не умрут. Бог позволил этому случиться, потому что хотел, чтобы это случилось. А Бога никто не может победить. Потому что он – Бог».

Дыхание Меган становится тише. Слезы Сэма высыхают. Он плывет в бескрайнем пустом пространстве. Вокруг никого и ничего, только тянется и тянется пустота.

«Может, все так и есть, – думает Сэм. – Может, людей уже вообще не осталось. Может, они все инвазированные».

Это значит, что он – последний. Последний человек на Земле.

Сэм прижимает ладони к пистолету. Это успокаивает. У Меган есть мишка. У него – пистолет.

Если все это обман, если все они – иные под прикрытием, он не даст им победить. Если надо, он их всех перебьет. А потом полетит в спасательной капсуле на корабль-носитель и взорвет его. Они проиграют. Последний человек погибнет, но зато иные не выиграют.

Бог сказал – нет. Он тоже так сможет.

II

День второй

14

Зомби

До указателя «Эрбана прямо по курсу» мы добрались меньше чем за час. Теперь сворачивать в буквальном смысле некуда. Перед тем как пересечь городскую границу, увожу Дамбо с дороги. Я все никак не мог решить – говорить ему или нет, но на самом деле выбора у меня не было. Он должен был знать.

- Тебе известно, кто такой Уокер? – шепчу я.

Дамбо кивает, смотрит по сторонам и снова на меня:

- Он – долбаный пришелец.

- Верно. Пришельца поместили в тело Уокера, когда тот был еще ребенком. Сначала встречаешься с такими, как Вош. Они занимаются лагерями. Потом с такими, как Уокер. Это оперативники-одиночки, они патрулируют закрепленные за ними территории. Отстреливают выживших.

Дамбо снова озирается по сторонам:

- Снайперы?

- Нам предстоит пройти через две такие зоны. Одна – между Эрбаной и пещерами. Другая начинается вот за этим знаком.

Дамбо вытирает рот тыльной стороной ладони и тянет себя за мочку уха.

- Понятно.

- Они до поры до времени тихо сидят в теле человека. А потом рождаются. Не знаю как. С помощью какой-нибудь неизвестной нам технологии. Они становятся сверхсильными, сверхпроворными и все в таком роде. Мы пойдем быстро и тихо. – Я наклоняюсь ближе к Дамбо. Важно, чтобы он понял. – Если со мной что-нибудь случится, для тебя миссия заканчивается. Ты возвращаешься.

Дамбо трясет головой:

- Я тебя не брошу, сержант.

- Еще как бросишь. Это приказ, рядовой, если ты еще не понял.

- А ты бы меня бросил?

- Можешь не сомневаться.

Я хлопаю Дамбо по плечу, потом достаю из рюкзака окуляр и устанавливаю над левым глазом. Дамбо молча наблюдает. Через окуляр его голова предстает светящимся зеленым шаром. Потом Дамбо надевает свой, а я осматриваюсь на предмет других зеленых огоньков.

- И последнее, Бо, - шепчу я. - Нам здесь никто не рад.

- Сержант?

У меня пересохло во рту. Я сглатываю. Хотелось бы, конечно, чтобы все было иначе, но не я придумал эту игру. Я лишь стараюсь выжить, чтобы подольше оставаться в игре.

- Вырубает зеленый свет. Где появляется, там вырубается. Без колебаний. Без исключений. Все ясно?

- Так не пойдет, Зомби. А вдруг это будет Рингер или Чашка?

Проклятье. Я об этом не подумал. Как не подумал о том, что Рингер стоит перед выбором. И я тоже должен выбирать. Стрелять без церемоний? Или только в ответ? По-моему, я знаю, какой выбор сделает Рингер. Она же Рингер.

Голос у меня в голове шепчет: «С Дамбо риск удваивается. Отошли его назад». Впервые с момента нашего знакомства этот тихий холодный голос разума звучит вполне в духе Рингер. С этим аргументом не поспоришь. Точно так же трудно возразить человеку, который утверждает, что гранит твердый, а вода мокрая.

Дамбо мотает головой. Мы вместе столько дерьма хлебнули. Он отлично меня знает.

- Две пары глаз лучше, чем одна, сержант. Пойдем, как ты сказал - быстро и тихо. И будем надеяться, что заметим их раньше, чем они нас.

Дамбо улыбается. Насколько я понимаю, это ободряющая улыбка. Я киваю в ответ. Кивок должен проканать за уверенный. И после этого мы выдвигаемся.

Полубегом, прямым в выгоревшее, захламленное и кишашее крысами, провонявшее канализацией нутро Эрбаны с заколоченными окнами и граффити на стенах. Перевернутые машины и оборванные провода. Мусор прибит ветром и водой к стенам домов, хлам укрывает ковром дворы и парковки, висит на голых ветвях. Пластиковые пакеты и газеты, одежда, обувь, игрушки, сломанные стулья, матрасы, телевизоры. Как будто какой-то космический гигант схватил обеими руками нашу планету и что было мочи встряхнул. Может, будь я каким-нибудь злобным пришельцем, я бы тоже разбомбил все города лишь с тем, чтобы избавиться от этого бардака.

Возможно, нам следовало обойти этот адский пейзаж по проселочным дорогам и открытой местности. Уверен, Рингер так бы и поступила. Но если их с Чашкой и следует где-то искать, то в пещерах. И путь через город – самый короткий.

Мы трусцой бежим по тротуару, стреляем по сторонам глазами, а я мысленно повторяю: «Быстро и тихо. Быстро и тихо».

Через четыре квартала натыкаемся на баррикаду в шесть футов высотой. Кто-то навалил поперек улицы битые машины, ветки и ломанную мебель. И украсил это сооружение американскими флагами. Догадываюсь, что баррикаду возвели в тот промежуток, когда Вторая волна переходила в Третью. Именно тогда до людей начало доходить, что собратья-человеки представляют бо?льшую угрозу, чем зависший в небе корабль инопланетян. Мозг плавится, когда думаешь о том, как быстро мы скатились в анархию, стоило им выдернуть из розетки штепсель. Как легко посеять среди людей растерянность, страх и недоверие. И как чертовски быстро мы пали. Казалось бы, перед лицом общего врага мы должны были забыть о наших различиях и сплотиться. А мы вместо этого начали строить баррикады. Мы запасаемся едой и накапливаем оружие. Мы не подпускаем чужаков, изгоев, людей, чьи лица нам незнакомы. Две недели вторжения – и цивилизация треснула до самого основания. Два месяца – и она обрушилась, как дом после направленного взрыва. Цивилизация рассыпалась, а горы трупов росли.

Спеша через Эрбану, мы насмотрелись и на людские останки. От груд из почерневших костей до завернутых с ног до головы в драные простыни и старые одеяла трупов. Они просто лежали где попало, как будто с неба попадали. В одиночку и группами по десять штук, иногда и больше. Их было так много, что постепенно я начал воспринимать их как фон. Просто часть бардака, составная

городской блевотины.

Дамбо постоянно вертит головой – выискивает светящиеся зеленые точки.

– Какая грязь, – выдыхает он.

Холодно, а у него лоб блестит от пота. Он трясется, как будто его лихорадит. Мы перебираемся через баррикаду, и я объявляю привал.

Вода. Протеиновый батончик. Я давно запал на эти батончики и, когда нашел целую коробку в конспиративном доме, очень обрадовался. Мы устраиваемся в небольшом углублении в баррикаде с видом на северную часть Главной улицы. Ни ветерка. Чистое небо усеяно звездами. Конец зимы, Земля катится к весне – такие перемены чувствуешь хребтом, потому что они старше осознанных ощущений. До того как я стал Зомби, это означало студенческий бал и зубрежку перед экзаменами, нервный треп в коридорах между занятиями о скором вручении дипломов – другой разновидностью апокалипсиса, после которого жизнь уже не будет такой, как раньше.

– Дамбо, ты когда-нибудь бывал в Эрбане?

Он качает головой:

– Я из Питтсбурга.

– Правда?

Я никогда не спрашивал. Неписаное правило в лагере. Разговоры о прошлом – жонглирование раскаленными углями.

– Значит, «Стилерз, вперед».

– Не-а. – Дамбо откусывает здоровый кусок шоколадки и медленно жует. – Я был фанатом «Пэкерс».

– А я ведь немного играл.

- Квоттербек?

- Ресивер.

- У меня брат играл в бейсбол. Шорт-стоп.

- А ты?

- Ушел из малой лиги, когда мне было десять.

- Почему?

- Играл хреново. Но я крут в киберспорте.

- Киберспорт?

- Ну, знаешь, типа КОД.

- Спортивная рыбалка?

Дамбо улыбается.

- Нет, «Call of Duty»[5 - «Call of Duty» («Зов долга») - серия компьютерных игр в жанре шутер от первого лица.], Зомби.

- А, так ты геймер.

- Я был бодерлайнером Эм-эл-джи[6 - Major League Gaming (MLG) - профессиональная лига видеоигр.].

- Эм-эл-джи. Ясно.

Понятия не имею, о чем он.

- Максимальный уровень, престиж двенадцать.

- Правда? Ничего себе.

- Ты ведь ни сном ни духом, о чем я говорю. - Дамбо комкает обертку, осматривает замусоренную до последнего квадратного дюйма Эрбану и убирает обертку в карман. - Кое-что не дает мне покоя, сержант. - Он поворачивается ко мне, глаза у него тревожно расширены. - Значит, до того, как появился их корабль-носитель, они загрузились в детей и не «будили» их до подросткового возраста.

- По словам Уокера, все именно так, - киваю я.

- У меня на прошлой неделе был день рождения. Мне тринадцать.

- Правда? Черт, Дамбо, что же ты мне раньше не сказал? Я бы тебе пирог испек.

Дамбо не смешно.

- А вдруг и во мне засел такой, сержант? Вдруг он вот-вот проснется в мозгу и начнет действовать?

- Ты ведь не серьезно? Брось, рядовой. Бред какой-то.

- А ты откуда знаешь? Вот откуда, скажи, Зомби? А когда это случится, я убью тебя, потом вернусь и поубиваю всех остальных...

Дамбо точно на грани. Я хватаю его за руку и заставляю посмотреть мне в глаза.

- Послушай меня, ты, лопаухий сукин сын. Ты становишься Дороти, и я отправляю тебя, засранца, прямиком в Дубук.

- Пожалуйста, не надо, - скулит Дамбо. - Хватит уже про Дубук!

- Не спит в тебе никакой пришелец, Дамбо.

- Хорошо. Но если ты ошибаешься, ты ведь об этом позаботишься?

Я понимаю, о чем он, но прикидываюсь, что нет.

- Чего?

- Позаботься об этом, Зомби, - умоляет Дамбо. - Убей гада.

Что ж, с долбаным днем рождения, Дамбо. От этого разговора у меня аж мурашки по коже.

- По рукам, - говорю. - В тебе просыпается инопланетянин - и я вышибаю тебе мозги.

Дамбо облегченно вздыхает:

- Спасибо, сержант.

Я встаю и протягиваю ему руку. Дамбо хватается за локоть и рывком отталкивает в сторону. Одновременно поднимает винтовку и направляет на автомагазин в полуквартале от баррикады. Я вскидываю свою и смотрю в оптический прицел.

Ничего.

Дамбо трясет головой.

- Что-то там мелькнуло, - шепчет он. - Показалось, наверно.

Выжидаем с минуту. Тихо, как в гробу. Казалось бы, по городу должны бродить стаи диких собак и кошек, отовсюду должны нестись вой, лай и скулеж. Но ничего подобного. Даже долбаные совы не ухают.

Значит, мне только мерещится, что за мной наблюдают? Что здесь есть кто-то, кого я не вижу, но кто совершенно точно видит меня? Мельком смотрю на Дамбо. Он явно напуган не меньше моего.

Двигаемся дальше. Только теперь не быстро. Перебегаем на другую сторону улицы, а там стелемся вдоль стены комиссионного магазина, который расположен как раз напротив дилерского центра. («Начинай экономить в День поминовения!») Не останавливаемся до следующего перекрестка. Смотрим вправо-влево и вперед, где городской центр и всего через три квартала на фоне звездного неба вырисовываются черные прямоугольники домов.

Перебегаем через перекресток, снова останавливаемся и прижимаемся спинами к стене. Ждем. Чего ждем, сам не знаю. Мчимся мимо выставленных дверей и разбитых окон. Хруст стекла под ногами громче шумовых гранат. Еще один квартал. Повторяем маневр. За угол налево, прямо через Бродвей, потом пулей по диагонали к сравнительно безопасному дому на противоположном углу.

Преодолеваем очередные пятьдесят ярдов, и тут Дамбо тянет меня за рукав, ведет через разбитую стеклянную дверь в темноту ближайшего магазина. Под ногами хрустит коричневый гравий. Хотя нет, это не гравий. Мы притерпелись к вони нечистот и кислым «ароматам» чумы, но оба улавливаем этот слабый, вызывающий болезненную ностальгию запах. Кофе.

Дамбо опускается на пол у стойки, смотрит на вход. Я гляжу на него: в чем дело?

– Я любил ходить в «Старбакс», – вздыхает он, как будто это все объясняет.

Сажусь рядом. Не знаю, – может быть, Дамбо надо передохнуть. Молчим. Минуту, другую, третью.

Наконец я подаю голос:

– На рассвете нас не должно быть в этом проклятом городе.

Дамбо кивает, но не двигается с места.

– Там кто-то есть, – говорит он.

– Ты кого-то видел?

Мотает головой:

- Нет, но я их чувствую. Понимаешь? Чувствую.

Обдумываю его слова. Паранойя. Точно, паранойя.

- Можем попробовать вызвать огонь на себя, - предлагаю я, типа подкалываю.

- Или отвлечь, - отзывается Дамбо и озирается. - Взорвем что-нибудь.

Он роется в рюкзаке и достает гранату.

- Нет, Дамбо. Это плохая идея. - Я забираю у Дамбо гранату. Пальцы у него холоднее металла.

- Они могут зайти с тыла, - порывается возразить Дамбо. - Пристрелят, и мы даже понять ничего не успеем.

- Да вряд ли мне и хочется успеть это понять.

Я улыбаюсь, но Дамбо не отвечает улыбкой. Он всегда был самым хладнокровным в команде. Возможно, именно поэтому они определили его в медики. Ничто не могло вывести этого парня из себя. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

- Сержант, у меня идея. - Дамбо наклоняется так близко, что я чувствую запах шоколада. - Ты остаешься здесь. Я выдвигаюсь, но в противоположном направлении. Увожу их за собой, а ты шуруешь на север и...

Я не даю ему закончить:

- Хреновая идея, рядовой. Хуже не бывает.

Он не слушает.

- Так хоть один из нас доберется до цели.

– Хватит молоть чушь. Мы сделаем это вместе.

Мотаает головой. У него срывается голос.

– Сомневаюсь, сержант.

Дамбо снимает окуляр и смотрит мне в глаза. Смотрит долго, даже как-то неуютно становится. Вид у него испуганный, словно привидение увидел. А потом он бросается на меня. Вскрикивает и кидается вперед с вытянутыми руками, будто твердо решил придушить.

Я инстинктивно выставляю блок.

«О господи, о господи, этот лопухий сукин сын был прав. Оно проснулось. Это проснулось в нем».

Я хватаю его за куртку. Голова Дамбо запрокидывается. Тело его напрягается и почти сразу безвольно оседает.

Спустя секунду слышу звук выстрела снайперской винтовки. С лазерным прицелом. Она выстрелила секунду назад, и пуля летела мне в голову.

И Дамбо принял ее на себя. Без колебаний. Потому что я – его командир, толстолобый кретин, которого враг, при всей своей безграничной мудрости, назначил главным и поручил сохранить наши задницы невредимыми.

15

Я хватаю Дамбо за плечи и оттаскиваю с линии огня за стойку. Времени мало. Кладу Дамбо на живот и задираю куртку с двумя рубашками, чтобы оценить рану. Дыра величиной с четвертак прямо в центре спины. Пуля засела в теле, иначе и мне бы досталось. Грудная клетка Дамбо двигается. Он дышит.

– Скажи, что я должен сделать, Дамбо, – шепчу я ему в ухо.

Ни звука. Наверное, все силы уходят на то, чтобы просто дышать.

«Зомби, здесь нельзя оставаться, – опять этот спокойный голос в духе Рингер. – Оставь его».

Конечно. Оставить его. Это как раз по-моему. Так и живу. Бросил сестру. Бросил Кекса. Они гибнут, а я живу дальше.

К черту.

Я выползаю из-за стойки, хватаю рюкзак Дамбо и возвращаюсь. Он лежит на боку, подтянув колени к груди, и веки у него вздрагивают, как у человека, который видит плохой сон. Я вскрываю аптечку, ищу бинт. Надо заткнуть рану. Это я помню после одного-единственного занятия в «Приюте» по оказанию первой помощи на поле боя. Действовать надо быстро, иначе Дамбо истечет кровью меньше чем за три минуты.

И второе, что я запомнил на тех занятиях, – это чертовски больно. То есть настолько, что первым делом нужно забрать у раненого оружие.

Поэтому я вынимаю из кобуры Дамбо пистолет и затыкаю его себе за пояс со спины.

В аптечке должен быть тонкий металлический прут, чтобы протолкнуть тампон, но я его не нахожу.

«Забудь, Зомби. У тебя нет времени».

Заталкиваю тампон пальцем. Дамбо выгибается. Он кричит. Потом инстинктивно пытается убежать, царапает ногтями основание стойки. Я свободной рукой хватаю его за шею и пытаюсь успокоить.

– Все хорошо, Бо. Все хорошо... – шепчу я ему на ухо, а мой палец тем временем проталкивает заглушку глубже.

«Еще тампон. Надо заткнуть рану наглухо. Если пуля задела артерию...»

Вынимаю палец из раны. Дамбо воет, как банши, и я зажимаю ему рот. Действую быстро и жестко. Заталкиваю в рану еще один тампон. Дамбо дергается и беспомощно рыдает. Я лежу рядом на боку – ногу закинул Дамбо на талию, чтобы удержать на месте – и шепчу:

– Еще разок, Бо. Уже почти закончил...

Все, дальше тампон не протолкнуть, он торчит. Зубами рву бинт и накладываю повязку, потом перекатываюсь на спину и с силой втягиваю воздух. Возможно, сделано слишком мало и слишком поздно. Рыдания Дамбо переходят в скулеж. Я чувствую, как его трясет. Он впадает в шоковое состояние.

Снова роюсь в аптечке. Теперь нужно найти обезболивающее. Дамбо умирает. Тут у меня нет никаких сомнений, но я хотя бы облегчу ему уход. Разрываю упаковку, где шприц-тюбики с морфином, и колю Дамбо в бедро. Эффект мгновенный. Мышцы Дамбо расслабляются, рот приоткрывается, дыхание замедляется.

– Видишь? Все не так плохо, – говорю я, будто подытоживая спор. – Я вернусь за тобой, Бо. Найду этого гада и вернусь.

«Зомби, малыш, ты все-таки сделал это».

Обещание – как смертный приговор, захлопнутая дверь камеры, камень на шее.

16

Снова выползаю из-за стойки, теперь уже за своей винтовкой. Мой арсенал: винтовка, пистолет, нож и пара световых гранат. И еще кое-что, самое важное оружие: переполненное яростью сердце. Я отправлю эту сволочь в «любимый» городок Дамбо.

На карачках ползу по коридору к аварийному выходу. («Внимание! Сработает сигнал тревоги!») Дальше – на боковую улицу под холодные звезды. Впервые после убийства моей семьи я один. Правда, в этот раз я не убегая. Это больше

не повторится.

Двигаюсь на восток. Через квартал снова поворачиваю на север, иду параллельно Главной улице. Еще два квартала, там пересеку Главную и зайду стрелку в тыл. Если только он не успел перейти улицу, чтобы закончить начатое.

«Это не обязательно глушитель. Стрелять мог простой гражданский, который выучил первый урок последней войны».

Впрочем, это все равно.

В конспиративном доме Кэсси рассказала мне, как однажды наткнулась на солдата в ночном магазине. Она забрела туда в поисках провизии. И она его убила. Подумала, что он потянулся за оружием, а вместо оружия оказалось распятие. Это разрывало ей сердце. Она не могла избавиться от этих воспоминаний. Парень, наверное, подумал, что он самый счастливый сукин сын на Земле. Один, без товарищей, тяжело ранен. Ему оставалось только ждать, когда придет помощь. А помощь могла и не прийти. И тут вдруг неизвестно откуда появляется эта девчонка. Он спасен. А девчонка поднимает винтовку и превращает его грудь в решето.

«Ты не виновата, Салливан, – сказал я. – У тебя не было выбора».

«Чушь собачья, – огрызнулась Кэсси. Она часто на меня огрызалась. Ну, не только на меня. Кусачая девчонка. – Это ложь, которую они нам навязывают, Пэриш».

Снова на Главную. Выглядываю из-за угла, смотрю на кафе. Напротив него – трехэтажный дом. Окна на первом заколочены, на следующих двух – разбиты. В окнах и на крыше темно, в окуляре ни одного зеленого пятнышка. Несколько секунд наблюдаю за фасадом. Я знаю, что делать дальше. Здание надо зачистить. В лагере мы тысячу раз отрабатывали действия в подобной ситуации. Только тогда мы работали всемером: Кремень, Умпа, Рингер, Чашка, Кекс, Дамбо... А сейчас я один.

Пригнувшись, перебегаю Главную улицу. Все тело покалывает в ожидании снайперской пули. Кому пришла в голову гениальная мысль идти напрямик через Эрбану? Кто назначил этого парня командиром?

Не останавливаться, не терять бдительности, проверить окна наверху, дверь внизу. Повсюду мусор и битые стекла, асфальт скользкий от нечистот, в маслянистых черных лужах отражаются звезды. Прохожу квартал и сворачиваю на юг. Нужное здание прямо по курсу в конце квартала. Заставляю себя замедлить шаг. Нас учили жить настоящим моментом, но мой настанет только после того, как я уничтожу стрелка. Продолжать поиски Рингер и Чашки? Отнести Дамбо обратно в конспиративный дом? Или оставить его в кафе и забрать на обратном пути из пещер?

Вот и конец квартала. Пора нанести визит. Как только я зайду в дом, обратного пути уже не будет.

Через разбитую витрину проникаю в вестибюль банка. Пол устлан ковром из депозитных квитанций, брошюр и старых журналов. Тут же валяется разорванный баннер «Наши самые низкие ставки!». И купюры разного достоинства – среди пятерок и десятков попадаются сотни. Еще один урок, который я усвоил после вторжения: «Деньги это что угодно, но не корень всех бед».

Сырой прогнивший ковер чавкает под ногами. За тридцать секунд осматриваю все помещение – чисто.

Напротив лифта нахожу дверь на лестницу. Открываю. Видимость нулевая, но свет включать рискованно. С тем же успехом можно выкрикнуть свое имя или, например: «Эй, приятель, я тут!» Дверь с легким щелчком закрывается у меня за спиной, и я оказываюсь в крошечной темноте.

Одна ступенька вверх, пауза, прислушиваюсь, следующая ступенька, пауза... Здание постанывает, как оседающий старый дом. Холодная зима плюс поврежденные трубы в стенах, и в результате вода просачивается в штукатурку, замерзает и ломает, разрывает «кости и сухожилия» здания. Если иные не начнут бомбить через четыре дня, Эрбана разрушится сама, без посторонней помощи. А через тысячу лет оставшийся от города прах уместится на ладони.

Первый пролет, второй этаж. Продолжаю подниматься, держась одной рукой за металлические перила. Шаг, пауза, шаг. Я решил начать с крыши, а потом уже прочесать здание сверху вниз. Вряд ли он свил гнездо на крыше; мы с Дамбо сидели у стойки, угол обзора был бы слишком острым. Скорее всего, снайпер

засел на втором этаже, но я не собираюсь ничего пропускать и буду действовать методично, шаг за шагом.

Я чую его на втором этаже, на повороте лестницы. Этот запах ни с чем не спутаешь. Запах смерти. Наступаю на что-то маленькое и мягкое. Наверно,дохлая крыса. В тесном замкнутом пространстве запах становится невыносимым. У меня слезятся глаза, комок подкатывает к горлу. Еще одна веская причина уничтожить все города – это самый быстрый способ избавиться от вони.

Поднимаю голову и вижу под дверью тонкую, как бритва, полоску золотистого света. Мать твою, что за черт? До чего же наглая мразь.

Прижимаю ухо к двери. Тишина. Все, казалось бы, очевидно, но я не знаю, что делать дальше. На двери может быть установлена растяжка. Или свет – хитрость, чтобы заманить меня в ловушку. Или дверь «заряжена» так, чтобы произвести шум в момент открытия. Для таких мер предосторожности вовсе не обязательно быть глушителем.

Берусь за холодную металлическую ручку. Настраиваю окуляр и замираю на месте.

«Неходишь, Пэриш... вриваешься».

Но самое тяжкое – это не ворваться в закрытую комнату. Самое тяжкое – это секунда перед тем, как броситься на дверь.

Распахиваю ее, резко поворачиваюсь влево, потом шаг в коридор и поворот вправо. Не звякнул колокольчик, не загремели разбросанные по полу консервные банки. Дверь на смазанных петлях бесшумно закрывается у меня за спиной. Мой палец вздрагивает на спусковом крючке – на стене появляется тень, ее отбрасывает небольшое рыжее пушистое существо с полосатым хвостом.

Кошка.

Она стрелой вылетает в коридор через открытую дверь, откуда льется золотистый свет, который я заметил с лестницы. Медленно иду на него. Запах

гнили перебивают два других: горячего супа – возможно, из тушенки – и кошачьего туалета. И тут я слышу, как кто-то тихо поет высоким дрожащим голосом:

Когда я бреду сквозь лес, по лесным полянам

И слышу, как на деревьях сладко поют птицы...

Я уже слышал эту песню раньше. Много раз. Я даже помню припев:

И душа моя поет, Господь Спаситель, Тебе,

Как Ты велик, как Ты велик! [7 - Из христианского гимна XIX в. «Великий Бог» («How Great Thou Art!»).]

Этот голос напоминает мне другой. Она поет тонким скрипучим голосом, немного фальшивит, но при этом преисполнена решимости и уверена в себе. Чувствуется, что вера ее несокрушима. Сколько раз на воскресной службе я стоял рядом с бабушкой, пока она пела этот гимн? Я был подростком, и мне было жутко скучно, я беззвучно чертыхался из-за тесного воротничка и неудобных туфель, грезил наяву о девочке, в которую был влюблен, и богохульственно переделывал строчки гимна:

Как зад велик! Как зад велик!

На меня обрушивается лавина воспоминаний. Бабушкины духи. Ее толстые ноги в белых чулках и черных туфлях с тупыми носками. Комочки пудры в морщинах, в уголках рта и возле добрых темных глаз. Пальцы с распухшими от артрита суставами. Как она держит руль своего старенького «форда». Так отчаявшийся пловец цепляется за спасательный круг. Печенье с шоколадной крошкой только-только из духовки, на полке остывает яблочный пирог. И бабушкин возбужденный голос в соседней комнате, когда она выслушивала сногшибательные новости от приходских знакомых.

Останавливаюсь у самой двери и достаю свето-шумовую гранату. Пробегаю палец в чеку. У меня дрожат руки, по спине струйкой стекает пот. Вот так они нас и достают, так вышибают из нас дух. В самый неожиданный момент прошлое забивает тебе глотку. Память о самых простых вещах – как удар под дых. Все, что ты воспринимал как должное и потерял в одну секунду. Тебя могут

раздавить воспоминания о глупых, тривиальных, незначительных моментах твоей жизни. Например, дрожащий, высокий старушечий голос. Откуда-то издалека она зовет тебя домой на теплое печенье с холодным молоком.

И душа моя поет, Господь Спаситель, Тебе...

Выдергиваю чеку и бросаю гранату в дверной проем. Ослепительная вспышка, дикий визг перепуганных кошек и вопли человеческого существа.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Vincit qui partitur (лат.) – терпенье все преодолевает.

2

Модус операнди – способ совершения преступления.

3

Базз Лайтер – вымышленный персонаж и один из главных героев франшизы «История игрушек». Базз – фигурка космического полицейского.

4

Мыслю, следовательно существую (лат.).

5

«Call of Duty» («Зов долга») – серия компьютерных игр в жанре шутер от первого лица.

6

Major League Gaming (MLG) – профессиональная лига видеоигр.

7

Из христианского гимна XIX в. «Великий Бог» («How Great Thou Art!»).

Купить: <https://telnovel.com/ru/rik-yansi/poslednyaya-zvezda>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)